

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

Черная невеста

Приключения баронессы Корф

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина

Черная невеста

«Автор»

2014

Вербинина В.

Черная невеста / В. Вербинина — «Автор», 2014 — (Амалия — секретный агент императора)

ISBN 978-5-699-73206-7

Вынужденно оказавшись в эмиграции, бывший секретный агент российского императора Амалия Корф скучала в Лондоне, но лишь до тех пор, пока ее дочь Ксения не попала в центр странных и опасных событий. Ксения стала свидетельницей смерти случайного прохожего, которого убили весьма специфическим способом – укололи пропитанным ядом кончиком зонта... Как выяснилось, накануне гибели мистер Роберт Бойл получил по почте свой собственный некролог, где была точно указана дата его кончины. Подобные преступления стали происходить с пугающей регулярностью, и каждый раз жертва заранее получала некролог... Чувствуя свою причастность к судьбе человека, умершего у нее на руках, Ксения приняла деятельное участие в расследовании необычных преступлений, не подозревая, что это может поставить под удар ее саму... И только вмешательство блистательной Амалии позволит избежать новой жертвы!

ISBN 978-5-699-73206-7

© Вербинина В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерия Вербинина

Черная невеста

© Вербинина В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Письмо

«Без всякого прискорбия извещаем, что мистер Роберт Аластэр Бойл скончается в Лондоне девятого числа сего месяца. Мистер Бойл родился в 1893 году, окончил школу, название которой никому не интересно, попал на войну в 1914-м, но не прославил себя никакими подвигами, которые достойны упоминания в его некрологе. После окончания войны и вплоть до своей безвременной смерти мистер Бойл работал в фирме «Шарп, Обри и Биггс», единственным смыслом существования которой является обирание доверчивых граждан. У покойного останутся вдова и двое детей. О месте и дате похорон все заинтересованные лица смогут узнать из газет».

Бывают письма долгожданные, письма неприятные, письма неизбежные – к примеру, счета и официальные уведомления, – а бывают и такие послания, что совершенно непонятно, как к ним относиться и что вообще с ними делать. Признаться, до сегодняшнего дня мистер Роберт Бойл считал, что с чувством юмора у него все в порядке. Но когда он вскрыл конверт и прочитал текст, отпечатанный на машинке и заключенный, как и подобает настоящему некрологу, в черную рамку, то сначала ничегошеньки не понял, затем оторопел, затем остолбенел, а под конец возмутился:

– Черт знает что! Делать ему, что ли, нечего? И придет же в голову такое!

– Что случилось, Роберт? – спросила жена.

Мистер Бойл побагровел и скомкал листок, который держал в руке.

– Да так... Глупости, Джуди, не забивай себе голову. Некоторые люди почему-то считают, что им все позволено...

Но жена, которая успела за семь лет совместной жизни хорошо изучить все разновидности выражения его широкого открытого лица, встревожилась.

– Ты чем-то расстроен? – обеспокоенно спросила она.

– Нет, нет! Просто дурацкая шутка. – Роберт рассмеялся напряженным, вынужденным смехом. Под испытующим взглядом Джуди ему сделалось малость не по себе, и к тому же он терпеть не мог лгать жене. – Понимаешь, это Гарри, мой бывший армейский приятель... – Говоря, он машинально покосился на конверт. – Обратного адреса на письме нет, но такой розыгрыш вполне в его духе.

– Это тот Гарри, которого мы видели на прошлой неделе? – задумчиво спросила Джуди. – В ресторане...

Она не договорила, потому что отлично помнила, что Роберт, едва приметив в зале старого знакомого, изменился в лице и настоял на том, чтобы они с женой немедленно ушли оттуда. Само собой, ее такая реакция озадачила, но Джуди не посмела тогда спрашивать объяснений. Мужчины такие странные! К примеру, живешь с человеком душа в душу несколько лет, думаешь, что знаешь его как облупленного, а он нет-нет да преподнесет какой-нибудь сюрприз. Роберт вообще не любил говорить о войне, и мало ли что он мог не поделить с этим Гарри...

– Что ему от тебя нужно? – спросила она.

– Понятия не имею. – Роберт поморщился и, чтобы хоть как-то выразить обуревавшие его чувства, разорвал письмо на четыре части и вместе с конвертом выкинул в мусор. – Кофе совсем остыл, – буркнул он, вернувшись на место и отпивая из своей чашки. И по тону мужа Джуди поняла, что он больше не желает говорить ни о Гарри, ни о таинственном письме, вызвавшем такой приступ раздражения.

Все это произошло восьмого марта, а утром девятого, собираясь, как обычно, в Сити, Роберт Бойл почти забыл о вчерашнем послании. Ему предстояло столько дел – работа, потом

надо было купить подарок старшему сыну, день рождения которого отмечали на этой неделе, и еще следовало решить массу совершенно неотложных вопросов – например, где достать коричневые шнурки для ботинок и не пора ли рассчитать кухарку, которая готовит не то чтобы совсем плохо, но и не сказать чтобы хорошо. Вообще после войны дела с прислужгой стали обстоять куда хуже, чем раньше, и мистер Бойл, как и многие его здравомыслящие соотечественники, полагал, что всему виной происки большевиков.

С утра накрапывал дождь, но уже к обеду пасмурное небо и хорошая погода заключили перемирие, которое выразилось в том, что тучи отчасти разошлись и сквозь их разрывы брызнуло солнце. Когда после работы мистер Бойл вышел на улицу, весь Лондон искрился золотом, и по сероватым волнам Темзы бежали сверкающие блики.

«Пожалуй, шнурки подождут, – в порыве вдохновения подумал мистер Бойл. – Томми просил игрушечный самолетик, а на Стрэнде есть отличный магазин... Думаю, у них есть именно то, что мне нужно».

Но он вскоре пожалел, что идет к Стрэнду, потому что коварное солнце выманило из домов даже тех лондонцев, которые терпеть не могут покидать родные стены, и тротуары в центре были забиты толпами народа. Роберта несколько раз толкнули, и вдобавок кто-то из гуляющих уколол его своим зонтиком и даже не подумал извиниться. До магазина, где он рассчитывал купить подарок своему сыну, оставалось всего несколько шагов, но Роберту Бойлу уже не суждено было их преодолеть.

Сначала стены домов накренились и заходили ходуном, а вывески заплясали перед глазами. Чувствуя приступ удушья («Неужели это из-за стряпни Энни? Да нет, не может быть»), Роберт развязал шарф и ослабил галстук, но легче не стало – наоборот, он почувствовал липкий страх и какую-то странную, невыразимую, ни на что не похожую тоску.

– Ну ты смотри, куда идешь! Глаза-то разуй...

Кудлатая веснушчатая баба – по выговору типичная кокни, – проходя мимо, грубо толкнула его, и внезапно он понял: это конец. Держа в правой руке портфель, левой он машинально пытался еще больше ослабить галстук, но что-то – возможно, интуиция, которая умирает последней, даже после надежды, – настойчиво нашептывало ему, что все бесполезно. Роберт задыхался, ему не хватало воздуха, сердце отчаянно колотилось у него в груди. Он стоял, покачиваясь из стороны в сторону, а вокруг были все те же равнодушные, уродливые, чужие лица.

И внезапно его охватил ужас – что он умрет так обыденно, так жестоко, вдали от близких, и в его последнюю минуту рядом не будет никого, никого – никого. Только он и ангел смерти, который не дал ему даже дотянуть до сорока – да что там сорока, даже до тридцати пяти...

– Сэр, вам нехорошо?

Все плыло у него перед глазами, но он все же успел увидеть надвигающийся на него женский силуэт и ощутил тонкий аромат каких-то духов, окутывавший незнакомку нежным коконом. Она подхватила шатающегося Роберта под локоть своей маленькой, но твердой рукой, и безумная надежда на спасение вдруг шевельнулась в его душе.

– Сэр, сэр, вот скамейка – я держу вас – сюда – садитесь – боже мой! Вы слышите меня?

Потом, как сквозь вату, до него донеслось:

– Человеку плохо – позовите врача! – Это она кричала кому-то другому, вероятно полицейскому.

Но тьма уже надвигалась на него, готовая его поглотить. Голова Роберта откинулась на спинку скамьи, и только веки едва подрагивали, показывая, что он еще жив.

– Джуди, – прошептал он, собрав последние силы, – самолет...

– Сэр!

Машинально он все еще прижимал к себе портфель.

– Врач сейчас будет... Отойдите, пожалуйста, дайте ему дышать!

– Удар, – пробубнил кто-то из-за темной пелены, которую деловито разворачивал вокруг Роберта ангел смерти.

– Сердечный приступ, я вам точно говорю, – отозвался высокий неприятный женский голос. – Взять хотя бы моего кузена...

Роберт закрыл глаза, но что-то мешало ему уйти за пелену целиком.

Ах да, незнакомка. Она все еще держала его за руку, и на мгновение – на какую-то долю мгновения – перед концом он успел увидеть ее лицо. Она заслуживала того, чтобы он сказал ей... Да, да, сказал самое важное, то, что подспудно мучило его последние сутки, хотя он не решился признаться даже самому себе... Губы Роберта шевельнулись. Чтобы расслышать, девушка наклонилась над ним так низко, что концы ее волос коснулись его щеки. Мимо сидящих по Стрэнду катился поток автомобилей, и по тротуарам по-прежнему текла беззаботная, ленивая, как река, толпа.

– Некролог, – прошептал он.

– Что? – изумилась она.

Но Роберт Бойл уже ничего не слышал. Взгляд его застыл, нижняя челюсть отвисла. Он был мертв.

Глава 2

Ксения

В мире нет ничего постоянного, кроме, пожалуй, непостоянства. Впрочем, это уже трюизм с замахом на парадокс.

Самый прочный дом может рухнуть, город – стать жертвой стихийного бедствия, государство – развалиться еще быстрее, чем город или дом. Но должны же остаться хоть какие-нибудь привычки, незывлемые или притворяющиеся незывлемыми, которые все уважают и соблюдают!

К примеру, если вы позвонили матери и предупредили, что придете к семичасовому ужину (в Петербурге это был бы обед, но где теперь тот аристократический, имперский Петербург?), – так вот, если вы обещали явиться, но не явились вовремя, это проявление как минимум неуважения, небрежности, необязательности и должно караться по всей строгости внутрисемейного закона. (Взгляд на часы.) А если опоздание больше чем на полчаса, это непροстительно!

Восхитительно безразличные стрелки кружили в вечном вальсе времени, и наконец, когда они показали без четверти восемь, в передней затрещал долгожданный звонок. Простучали бойкие каблучки горничной, а немолодая дама, сидевшая в кресле и только что размышлявшая о привычках и непостоянстве, вцепилась обеими руками в подлокотники до того, что побелели пальцы.

«Боже мой, уж не случилось ли с ней чего?»

– Амалия Константиновна, барышня прибыла...

Барышня. Барышня. Ох, от сердца отлегло. За окнами – Лондон, район Белгрэвия, аристократический и надменный. Но упало слово – барышня, – и исчез Лондон, скукожился и сгинул. Остался один Петербург, воображаемый, но оттого не менее реальный.

...Боже мой, когда же она перестанет сожалеть о былых временах? Когда перестанет вспоминать о них?

– Мама, прости, я опоздала, но это не моя вина...

Но Амалия уже угадала – по выражению лица дочери, – что произошло что-то экстраординарное, иначе Ксения не выглядела бы такой взвинченной.

– Машенька, распорядись... Ужин, конечно, остыл, но это не беда. Будешь чай, пока еду разогреют?

Ксения мотнула головой.

– Не надо, мама... Мне кусок в горло не полезет.

– Что произошло? – тихо спросила Амалия, пристально вглядываясь в дочь.

– Произошло? – Ксения не села, а почти рухнула в кресло. – С точки зрения репортеров, наверное, пустяк... В утренних газетах напишут. Просто на улице умер человек...

Ее лицо исказилось. И, хотя Амалия все поняла, она все же спросила, справедливо считая, что дочери станет легче, если она выговорится:

– Это случилось при тебе?

Кивок.

– Где?

– На Стрэнде. Я хотела зайти в магазин, кое-что купить, и вот...

– Несчастный случай?

– Если человек умирает на улице, то вряд ли это можно назвать счастливым случаем, – сухо заметила Ксения. – Нет, его не сбила машина, он не попал под автобус, ничего подобного. Просто...

Пауза, во время которой в гостиной материализовалась Машенька с чаем, вареньем и пирожными. Ксения невидящим взглядом смотрела на чашку, в которую лился ароматный напиток. Вполголоса сообщив Амалии, что ужин будет подан через четверть часа, Машенька вышла, прикрыв за собой дверь.

– Расскажи мне все, – попросила Амалия, когда молчать стало совсем невозможно.

Ксения вздохнула. Внешне мать и дочь не то чтобы походили друг на друга, но было между ними какое-то тождество, куда более важное, чем простое сходство. У Ксении овал лица был тоньше и волосы темнее, но больше всего в ее облике поражали глаза. Когда она была рассеянной или задумчивой, ее слегка прищуренный взгляд скользил по предметам, ни на чем не останавливаясь; но неожиданно от какой-нибудь фразы собеседника или мысли она преображалась, и тогда в ее глазах вспыхивало пламя, и взор их становился прямым и острым, как лезвие кинжала. Обе женщины могли считаться красавицами, но было заметно, что Амалия куда больше заботится о своей одежде и внешности, чем дочь. Мать легко было представить на каком-нибудь дворцовом приеме в платье со шлейфом, а вот Ксения на первый взгляд производила впечатление вполне современной девушки, не помышляющей ни о чем подобном. Однако достаточно было присмотреться к горделивой посадке головы, к тонкой изящной шее, чтобы понять, что дочь, в сущности, еще более далека от современности, чем мать, и пожалеть, что она не жила во времена Боттичелли. Уж он-то сумел бы написать ее правдивый портрет.

– Рассказать... – вяло протянула Ксения, собираясь с мыслями. – Да что тут рассказывать, в самом деле...

И все же она решилась:

– Знаешь, он умер почти у меня на руках.

– Мне очень жаль, – сказала Амалия, и эти банальные слова прозвучали совершенно искренне.

– Шел по улице и умер. Да, – Ксения закусил губу. – Вот так, оказывается, все и происходит, и не надо ни войны, ни сражений, ни пуль, ни чемоданов...

Тут, пожалуй, стоит пояснить, что «чемоданами» беженцы из России называли тяжелые снаряды, широко использовавшиеся во время войны.

– И светило солнце, – добавила Ксения, страдальчески морщась. – Обыкновенный такой день, понимаешь... Врач пришел, когда он был уже мертв. Потом полиция захотела знать, что я делаю рядом с телом... Пришлось мне давать объяснения. И как будто этого мало, откуда-то появился репортер и вцепился в меня: что вы думаете, да как это случилось, не жена ли вы умершему...

Она умолкла, растирая ладонями виски.

– Знаешь, самые простые вопросы можно задавать таким пакостным тоном, что... Не знаю, как я сдержалась и не ударила этого наглеца...

Амалия легонько дотронулась до ее руки.

– Мы сейчас будем ужинать, хорошо? То, что это случилось при тебе, полиция и прочее, – конечно, грустно, что так вышло. Но такова жизнь, как говорят французы...

На бледном лице Ксении промелькнуло подобие улыбки.

– Это так, но все же... все же... Ох!

Она откинулась на спинку кресла, прикрывая пальцами глаза.

– Я все понимаю, мама, поверь... Неожиданность, конечно, сыграла свою роль. Шел человек... здоровый, спортивного телосложения... по виду из клерков, таких много в Сити... Костюм, портфель... И ни с того ни с сего...

Простучали каблучки, в дверях показалась Машенька.

– Пойдем ужинать, – шепнула Амалия, поднимаясь с места.

Как и следовало ожидать, ужин не задался. Ксения ковыряла вилкой в тарелке, в то время как мать пыталась отвлечь ее разговором о братьях. Один сын Амалии в ту пору находился в

Париже, другой – в Ницце. Но по лицу дочери баронесса Корф видела, что та поддерживает беседу через силу, неотрывно думая о чем-то своем.

– Что с тобой? – не удержалась Амалия.

– Со мной? – Ксения повела плечом. – Ничего.

– Ты сама не своя, – заметила мать, испытующе глядя на нее. – Что еще там произошло, что тебя так задело?

Ксения нахмурилась и отодвинула тарелку.

– Вот именно, – проговорила девушка изменившимся голосом. – Было кое-что еще, это – и странно. Я никак не могу понять, к чему он это сказал.

– О чем ты?

– Последнее слово, которое он произнес, было «некролог».

– Что? – изумилась Амалия.

– Ну вот, ты тоже удивилась... И я поначалу решила, что ослышалась, но нет. Он произнес его очень четко. Как будто оно означало для него... ну, не знаю... что-то особенное.

Амалия задумалась.

– Сколько ему было лет? – наконец спросила она.

– Примерно тридцать три – тридцать пять, я так думаю. Молодой еще человек, белокурый, курносый, с довольно широким маловыразительным лицом. Типично английская внешность, – Ксения усмехнулась, – лично я не удивлюсь, если англичанки считали его красавцем...

Так, так, стало быть, мы уже язвим. У Амалии немного отлегло от сердца. По правде говоря, ни один из ее детей не внушал ей столько скрытого беспокойства, как упрямая, гордая, замкнутая дочь, которая внешне вроде бы не создавала никаких проблем.

– Почему он говорил про некролог? Вот что странно. Я хочу сказать, это совершенно с ним не вяжется...

Амалия шевельнулась на стуле.

– Как удачно выразился великий Гёте, «сущее не делится на разум без остатка». Логика вообще плохой помощник, если ты хочешь понять людей...

– У меня нет никаких иллюзий по поводу людей, – отрезала Ксения. – Я не понимаю конкретно этого человека. Я не знала его, но вряд ли в его жизни было что-то особенное. Перед смертью он звал кого-то, возможно жену, потому что на руке у него было обручальное кольцо. Говорил о самолете – может быть, они с женой собирались смотреть на полеты. Это все вполне объяснимо, но при чем тут некролог? Он выглядел... ну, не знаю... таким здоровым... По моему, такие люди предпочитают вообще не размышлять о смерти и обо всем, что ее сопровождает...

Амалия хотела заметить, что человек далеко не всегда контролирует свои слова и поступки перед смертью, но баронесса Корф была женщиной и поймала себя на том, что ей попросту наскучило обсуждать смерть какого-то бедняги на Стрэнде. Да, это трагедия, спору нет, но сколько беженцев из России пережило куда более страшные трагедии, о которых не пишут в газетах, сколько судеб поломала революция, и сколько она ломает еще...

– Честно говоря, я не вижу смысла гадать, что именно тот бедняга имел в виду, – произнесла баронесса вслух. – Ты же сама сказала, что в утренних газетах должны написать о случившемся, и там наверняка будет его адрес. Если хочешь, можешь сходить и поговорить с его женой. Моральное право на это у тебя есть – в конце концов, ты последняя, кто общался с ее мужем...

Однако, увидев, как просияло лицо Ксении, Амалия едва не раскаялась в том, что подала такой совет. «Бедная девочка, у нее нервы на пределе... Она совсем как я, все время терзается, что могла что-то изменить – и не справилась, не сделала... В Ницце, где я создала приют для наших беженцев, она точно так же изводила себя из-за каждой неудачи... да еще тот случай с поклонником, который совершенно выбил ее из колеи... Еле-еле удалось уговорить ее пере-

браться в Лондон... потому что во Франции на каждом шагу встречаешь русских из той, другой жизни, там тебе не дадут забыть, что мы потеряли родину и обречены скитаться... Но разве в Лондоне лучше? Ювелирные магазины забиты русскими драгоценностями, которые уходят за бесценок... Газеты – что ни номер, то статья о большевиках, с этой типично английской язвительностью, за которой скрывается самый обыкновенный страх... И еще черт меня дернул предложить ей изменить образ жизни, чтобы отвлечься, и найти себе какое-нибудь занятие. И вот – она устроилась печатать на машинке рукописи, поселилась отдельно, словно у нас нет этой квартиры... и если с Ксенией что-нибудь случится, я могу и не успеть помочь ей. – На мгновение в глазах у Амалии потемнело, но она тотчас овладела собой. – О боже, нет, только не это, только не это... Я не переживу, если с кем-нибудь из моих детей что-то случится. Не переживу...»

– Мама, с тобой все в порядке? – с тревогой спросила Ксения.

– Все хорошо. – Но руки у Амалии дрожали, и она едва не опрокинула чашку. Ища, о чем бы поговорить, она с готовностью ухватила за первое пришедшее на ум воспоминание. – Ты мне говорила по телефону про твоего нанимателя... Уильяма Бедфорда. Помнится, твои братья одно время зачитывались романами какого-то Бедфорда... правда, это было так давно...

– Это тот самый Бедфорд, автор детективов, – кивнула Ксения. – Он диктует мне свой новый роман, потому что его почерк, как он уверяет, никто не в состоянии разобрать.

– И как тебе его книга?

Ксения вместо ответа лишь пожала плечами.

– Что, настолько не вдохновляет?

– Ну я же не видела текст целиком, – отозвалась дочь. – А если судить по тому, что я успела напечатать... – Колеблясь, как бы точнее сформулировать свои ощущения, она машинально водила пальцем по ободку чашки. – Понимаешь, до войны Бедфорд был необыкновенно популярен. Все эти его возвышенные героини, которые становились жертвой адских козней, и благородные аристократы, которые помогали вершить правосудие... Мне кажется, когда-то его герои... ну... совпадали с требованиями публики, с тем, что она ожидала от произведений этого жанра. Люди были согласны тешить себя красивыми сказками... А теперь время сказок прошло, и сам Бедфорд постарел. Но он по-прежнему пишет про благородных лордов и прекрасных леди, хотя многое в мире изменилось, и люди изменились, и привлекают их совсем другие герои. Все, что он написал после войны, не имело никакого успеха. Похоже, он и сам понимает, что его время ушло, но не хочет признать этого. Он из кожи вон лезет, чтобы соответствовать требованиям сегодняшнего дня, – задумчиво прибавила Ксения, – но чем больше он старается, тем хуже у него выходит. В результате он теряет последних старых поклонников, которым не нравятся его попытки измениться, а новая публика вообще не хочет его знать, потому что у нее другие кумиры...

Однако вовсе не Бедфорд интересовал Амалию в эти мгновения, и она решила, что терзавшие ее сомнения слишком важны, чтобы ходить вокруг да около и тщательно подбирать слова.

– Послушай, я через какое-то время вернусь во Францию, и эта квартира будет в твоём полном распоряжении. Почему бы тебе не перебраться сюда? Обещаю, я не буду тебе мешать...

Однако Амалии было достаточно увидеть внезапно замкнувшееся лицо своей дочери, чтобы угадать ответ еще до того, как он будет произнесен.

– Спасибо, мама, мне хорошо и так... Я тебе и правда очень благодарна, но пока меня все устраивает.

Амалия поняла, что настаивать бесполезно. Однако она все же сказала:

– Если ты когда-нибудь передумаешь...

Дочь открыла было рот, чтобы возразить, но поглядела на лицо матери и вместо этого сказала:

– Я буду иметь в виду, конечно. Но пока – пока пусть все остается, как есть.

Глава 3

Две вдовы

Ксения жила в Темпле, который она на французский манер предпочитала про себя называть Тамплем. Теперь, пожалуй, молодая женщина затруднилась бы сказать, как и почему ее занесло в этот квартал, издавна облюбованный судейским сословием. Но как-то вечером она оказалась неподалеку, полюбовалась на церковь тамплиеров, некогда отстроенную заново после Великого пожара¹, восхитилась тишиной и уединенностью квартала, такими непривычными для центра Лондона, увидела объявление о сдаче квартиры – и решилась.

Миссис Ломакс была вдовой почтенного барристера² и придерживалась чрезвычайно строгих правил относительно того, кому можно сдавать внаем квартиру, а кому нельзя. Незамужние девушки, и к тому же чужестранки, входили в категорию людей, которым совершенно нечего делать в доме миссис Ломакс и которым следовало вежливо, но твердо давать от ворот поворот. Старая дама вовсе не принадлежала к числу людей, которые легко отказываются от своих предрассудков, и тем не менее факт остается фактом: Ксения сумела-таки снять квартиру и жила там уже второй месяц. Когда знакомые миссис Ломакс интересовались, почему она изменила своим убеждениям, старая дама устремляла на них пристальный взор своих выцветших глаз и туманно давала понять, что существуют обстоятельства, которые... Тут она голосом ставила многоточие и ненавязчиво переводила разговор на другую тему, а если знакомые пытались возобновить расспросы, искусно уходила от ответа, и в конце концов они удалялись, отравленные жгучим ощущением некоей тайны, в которую их не сочли нужным посвятить. Сама тайна, скорее всего, не стоила выеденного яйца, но тем обиднее им было не узнать, в чем, собственно, она заключалась.

Впрочем, миссис Ломакс вряд ли жалела о том, что изменила своим принципам, потому что Ксения принадлежала к той редкой породе жильцов, которые не доставляют своим квартирным хозяевам никаких хлопот. Она платила за жилье точно в срок, не была привередлива в еде, аккуратно обращалась с вещами, вела уединенный образ жизни и много работала, перепечатывая на машинке самые разные документы. В ней не было того, чего англичане не любят больше всего на свете, – сюрпризов. Она казалась скромной, уравновешенной и абсолютно добропорядочной особой, и миссис Ломакс в конце концов пришла к заключению, что по характеру Ксения совершенная англичанка.

Откроем еще один маленький секрет: хотя разговоры Ксении с квартирной хозяйкой редко выходили за рамки погоды, кулинарных способностей кухарки Салли и обсуждения прочих квартирантов миссис Ломакс, старая дама пришла к выводу, что ее жилищке не мешало бы устроить свою жизнь, то бишь выйти замуж. Однако едва миссис Ломакс весьма деликатно и как бы не всерьез коснулась в беседе этого предмета, Ксения довольно мрачно посмотрела на собеседницу и сказала, что у нее нет намерения связываться с кем бы то ни было в ближайшую тысячу лет. Вывод напрашивался сам собой – в прошлом девушка пережила любовное разочарование. Раз так, нелишне было бы помочь ей забыть о нем, а для начала, к примеру, познакомить с каким-нибудь достойным кандидатом.

«Разумеется, у нее не так много денег, но она из хорошей семьи, говорит по-английски без малейшего акцента и прекрасно воспитана, а это дорогого стоит... В конце концов, она

¹ Пожар 1666 года, во время которого сгорела значительная часть города. Вновь церковь тамплиеров будет разрушена бомбежкой в 1941 году.

² В Англии – адвокат высшего ранга, имеющий право выступать во всех судах.

должна понимать, что нельзя же вечно стучать на машинке. Даже в газете недавно писали, что такая работа портит зрение и осанку...»

Кругом общения миссис Ломакс были юристы, обвинители и адвокаты различного ранга, но среди ее знакомых имелось не так много холостяков, способных заинтересоваться девушкой с блестящим прошлым, но туманным будущим. Однако старая дама принадлежала к людям, которых трудности только подстегивают. С ее точки зрения, Ксения заслуживала лучшей доли, чем быть до скончания веков прикованной к пишущей машинке, и поэтому миссис Ломакс не без удовлетворения восприняла новость, что молодой Деннис Мюррей, блестящий адвокат, расторг помолвку с очаровательной Глэдис Хайтауэр, которая имела неосторожность затеять роман с другим. На самом деле если у Глэдис и был другой роман, то разве что с ночными клубами, которые она любила посещать, но честолюбивому адвокату хватило и его, чтобы моментально избавиться от невесты, как от ненужного балласта.

Тут перед миссис Ломакс встали разом две проблемы. Первая заключалась в том, что Деннис был хорош собой и вокруг него наверняка станут теперь увиваться другие девушки, а это может свести на нет шансы Ксении. Вторая же проблема заключалась в том, что Ксения и адвокат не были друг с другом знакомы, и почтенная дама пока не знала, как свести двух человек, внешне не имеющих никаких точек соприкосновения.

Узнав от служанки, что Ксения завтракает у себя и что она просила принести ей утреннюю газету, миссис Ломакс почувствовала прилив вдохновения и поднялась наверх.

– Вы вчера вернулись позже обычного, – заметила хозяйка после того, как обмен приветствиями был завершен.

– Я была у своей родственницы, которая живет в другом районе, – спокойно ответила Ксения. – За разговором не заметила, как летит время.

Тут, пожалуй, стоит заметить, что Ксения придерживалась правила выдавать посторонним людям лишь минимум информации о себе, и то только если ее очень об этом попросят. Делала она это не из скрытности, а чтобы избежать сочувствия (которое казалось ей сущим лицемерием) и расспросов, которые ее утомляли. В ее прошлом было прекрасное образование и блестящие балы, работа в госпитале сестрой милосердия и Гражданская война, процветание и потери, и всего этого хватило бы на десять жизней, а досталось ей одной. Но она не любила перелистывать страницы былого, некоторые из них причиняли ей боль сродни физической. Кстати, при первой встрече с миссис Ломакс именно нежелание Ксении говорить о себе едва не сыграло против нее.

– Скажите, мисс, чем занимается ваш отец?

– Он погиб.

– Сожалею, а ваша матушка?

– Она живет во Франции.

Миссис Ломакс внимательно посмотрела на девушку, которая притязала на то, чтобы поселиться в свободной квартире, и с тоской подумала, почему Бог, который все видит, не пошлет ей в качестве жилья какого-нибудь симпатичного молодого адвоката без вредных привычек, который усердно работает и не водит к себе любовниц. Миссис Ломакс отдавала себе отчет в том, что просит у Бога слишком многого, но не переставала надеяться, что однажды он ее услышит.

Одним словом, у Ксении не было никаких шансов занять скромную квартиру из трех небольших комнат. К тому же почтенную даму не отпускало ощущение, что она где-то уже видела это красивое замкнутое лицо.

Устав ломать себе голову над загадками, миссис Ломакс открыла было рот, чтобы тактично отказать гостье и пожелать ей всего доброго, но тут взгляд почтенной дамы упал на вчерашнюю газету – точнее, на снимок в этой самой газете, запечатлевший группу аристократов на каком-то вечере, куда допускались лишь отборные сливки общества. На первом плане можно

было, к примеру, видеть известного всей Англии герцога Олдкасла, а немного в стороне... погодите-ка... ну да, в некотором отдалении, отвернувшись от здоровяка-герцога и его друзей, стояла сегодняшняя гостья миссис Ломакс. И пусть она была одета не в скромный костюм, как сегодня, а в вечернее платье, характерное для нее выражение лица – смесь отчужденности с оттенком совершенного равнодушия – неоспоримо выдавало, что никакой ошибки быть не может и что это действительно она.

«А-а-а-ах! – сладко застонал кто-то в голове почтенной дамы. – Так вот почему мне кажется, что я ее уже видела!»

В мгновение ока не слишком любезная чужестранка с труднопроизносимым именем превратилась для миссис Ломакс в леди, которая из гордости не хочет опускаться до объяснений, почему она водит знакомство с герцогами и в то же время ищет работу машинистки. Миссис Ломакс трепетала, предполагая трагедию, одну из главных ролей в которой сыграла переменчивая Фортуна, богиня удачи. Разумеется, Ксения – самая настоящая аристократка, из-за революции ее семья потеряла все, и теперь бедная девушка вынуждена зарабатывать себе на жизнь. И само собой, что она более чем достойна поселиться в принадлежащей миссис Ломакс квартире в доме на улице Кармелитов.

Для Ксении недолго оставались секретом причины такого неожиданного благоволения квартирной хозяйки – уже первый, как бы невзначай заданный вопрос о герцоге Олдкасле ясно показал, куда ветер дует.

– Это друг нашей семьи, – коротко сказала девушка. – Он много для нас сделал, – добавила она, давая понять, что большего от него просить невозможно.

Но в глубине души она решила, что миссис Ломакс – обыкновенная снобка, и нельзя сказать, что мнение Ксении о старой даме стало от этого лучше. Когда Амалия приезжала в Англию, Ксения отправлялась ее проводить, но миссис Ломакс знала об этих встречах только то, что девушка навещает свою родственницу. Положим, это вовсе не являлось ложью, потому что мать действительно приходится дочери родственницей, но такое умолчание было вполне в духе Ксении. Она ревниво оберегала свое личное пространство от чужаков, и сейчас, когда миссис Ломакс помешала ей дочитать газетную заметку о происшествии на Стрэнде, девушка не могла дожидаться, когда та наконец уйдет и оставит ее в покое. Но миссис Ломакс не уходила, глядя на Ксению со своей обычной доброжелательностью и явно собираясь и дальше продолжать совершенно излишний, с точки зрения девушки, разговор. Внешность у квартирной хозяйки была самая что ни на есть умиротворяющая – седые волосы собраны в аккуратный пучок, все складочки на одежде лежат ровно, на воротнике и манжетах – ни пятнышка. У Ксении мелькнуло в голове, что миссис Ломакс выглядит настолько безупречной, добропорядочной и скучной дамой, что если бы ей в голову вдруг взбрела дикая фантазия зарубить топором зеленщика, полиция стала бы подозревать ее в последнюю очередь. Как видим, Ксения остерегалась доверять внешности – пусть даже самой безобидной.

– Полагаю, вы с вашей родственницей вспоминали добрые старые времена? – учтиво спросила хозяйка.

– Не совсем, – спокойно отозвалась Ксения.

Миссис Ломакс подумала, что бы такое еще сказать, и проникновенно осведомилась:

– В Советской России все по-прежнему?

Ксению передернуло. Буду откровенной: если бы миссис Ломакс обладала способностью читать чужие мысли, скорее всего, она бы уже в следующую минуту отказала моей героине от дома.

«Она что, издевается надо мной? Или она всерьез считает, что большевики – некий дым, который может взять и сам собой развеяться? Господи, до чего тупые эти англичане! С виду такие важные, но – тупые, причем безнадежно...»

На мгновение Ксения даже пожалела, что вчера не ответила согласием на предложение матери переехать к ней. По правде говоря, никакой особой причины для отказа не было, за исключением того, что Ксения терпеть не могла герцога Олдкасла, когда-то подарившего Амалии квартиру, в которой та жила, когда приезжала в Лондон. По мнению дочери, все мужчины баронессы Корф не стоили не то что мизинца последней, а даже кончика мизинца. Исключение Ксения согласна была сделать только для своего отца, и то с оговорками.

– Я очень вам сочувствую, – добавила миссис Ломакс в точности таким же тоном, каким недавно говорила, что на улице опять идет дождь. – Эти социальные потрясения так ужасны... и самое ужасное, что из них никогда не выходит ничего путного, – в порыве вдохновения заключила она.

– Мне бы не хотелось говорить об этом сейчас, – вырвалось у Ксении.

И, чтобы показать, что у нее нет времени на досужую болтовню, она уткнулась в газету и сделала вид, что читает.

«Уж не завела ли она себе приятеля? – с некоторым беспокойством размышляла тем временем миссис Ломакс. – Знаем мы эти поздние возвращения домой...»

Она переставила пару безделушек на этажерке, сделала вид, что смахивает пыль с одной из них и, пожелав Ксении хорошего дня, удалилась.

«Все-таки Деннису она не подойдет. Лет шесть назад, до того самого процесса, она имела бы шансы, но теперь... Он стал знаменит, а со временем, наверное, будет лучшим адвокатом Британии. Конечно, ему не помешала бы утонченная жена, которая сумеет задать нужный тон в доме, ведь сам Деннис – что греха таить – вовсе не аристократического происхождения. – Тут мысли миссис Ломакс приняли новый оборот: – Хотя они недурно выглядели бы вместе. Она бледная, тонкая, интересная, а он такой солидный, широкоплечий... И возраст у них вполне подходящий. Сейчас считается, что супруги должны быть примерно одного возраста, но, по моему, в мое время были правы, когда говорили, что лучше всего – когда муж лет на десять старше жены...»

Не подозревая о нешуточных терзаниях хозяйки, Ксения допила чай, сложила газету и стала собираться. Ей предстояло довольно долгое путешествие в ту часть Лондона, где она до того не была и куда, скорее всего, она бы вряд ли заглянула в других обстоятельствах.

«Почему он упомянул некролог?..»

Горничная, отворившая дверь, сказала, что хозяйка сейчас не может никого принять – в доме горе. Ксения достала газету.

– Мое имя упоминается здесь, правда, в исковерканном виде, – сказала девушка. – Я шла по Стрэнду и, когда одному из прохожих стало плохо, помогла ему сесть и вызвала врача. Перед смертью мистер Бойл сказал несколько слов, и я подумала, что его жене будет интересно их узнать. Ничего особенного в них нет, но тем не менее...

И через минуту Ксения была приглашена в гостиную, где на кресле лежала кукла, которую впопыхах забыли убрать. Скорбь не имеет запаха, и тем не менее Ксения была готова поклясться, что в доме пахнет именно скорбью. Миссис Бойл оказалась высокой молодой женщиной лет тридцати, стройной и рыжеволосой. Сейчас ее лицо опухло от слез, она выглядела растерянной и подавленной. Руки ее машинально комкали носовой платок.

– Я очень рада вас видеть, мисс... Прошу вас, садитесь...

Дежурные слова механически слетали с ее языка, но тут миссис Бойл заметила куклу и, нервным движением схватив ее, передала горничной. Та вышла и прикрыла за собой дверь.

– Наверное, мне не следовало приходить, – пробормотала Ксения, чувствуя мучительную неловкость.

Но миссис Бойл так резко тряхнула головой, что пара рыжих прядей выбилась из причеки.

– О, нет, вовсе нет... Я действительно рада, что вы... сумели найти время для меня... Я постоянно думаю о том, как это было... как это случилось...

Она судорожно стиснула платок, в ее глазах застыло умоляющее выражение.

– Если вас интересует, страдал ли ваш муж, то я думаю, что нет, – сказала Ксения, стараясь говорить как можно мягче. – Все произошло так быстро... Когда подошел врач, ваш муж был уже мертв.

– Боже мой...

Губы миссис Бойл задрожали. Она не плакала, но Ксения видела, что та держится из последних сил.

– Я не могу понять... Роберт занимался спортом... вел здоровый образ жизни... и вот... Человек уходит, живой и здоровый, а вечером... вечером ты узнаешь, что его больше нет... Это ужасно.

– Он думал о вас, – сказала Ксения.

Миссис Бойл подняла голову.

– Роберт?

– Да. Перед смертью он произнес три слова. Первое – Джуди. Он назвал ваше имя.

По правде говоря, если бы Ксения не прочитала в статье, что вдову покойного зовут Джудит Бойл, она бы поостереглась сообщать ей такие подробности – в самом деле, мало ли о ком умирающий мог думать в последние секунды своего бытия...

Все-таки Джудит Бойл не сдержалась. По ее щекам потекли слезы, она судорожно всхлипнула и поднесла ко рту платок.

– Вот как? Он... он думал обо мне?

– Да. Он еще сказал – «самолет».

– Самолет, самолет... – бормотала миссис Бойл. – Ах, да! Наш сынишка просил подарок на день рождения. Больше всего он хотел получить игрушечный самолет... Муж мне по секрету сказал, что постарается выполнить его желание, но ничего не обещает...

Верно, вспомнила Ксения, Роберт Бойл двигался как раз по направлению к магазину игрушек. И как она сразу не вспомнила об этом... Сынишка хотел получить самолет, на кресле лежала кукла, значит, у Бойлов было как минимум двое детей... Да, вдове теперь придется нелегко.

– А что еще он сказал? – с неожиданно пробудившимся любопытством спросила миссис Бойл, вытирая слезы. Она не то чтобы успокоилась, но Ксения видела, что молодой женщине стало чуть-чуть легче от сознания того, что муж думал о ней – до самого конца.

– По правде говоря, я ни в чем не уверена, – помедлив, призналась гостя. – И в то же время он произнес это слово очень отчетливо, словно оно многое для него значило... Вероятно, это был просто бред.

Джуди Бойл вздрогнула.

– Просто бред?

– Наверное, да. Последнее слово, которое я слышала от него, было «некролог».

В комнате наступило томительное молчание. Но Ксения была наблюдательна, и от нее не укрылось, что хотя хозяйка дома озадачена, услышанное вовсе не застигло ее врасплох. Ей явно что-то было известно. Но что?

– Я подумала, может быть, вам захочется узнать... Поверьте, я понимаю, как вам тяжело. Я... мне приходилось раньше терять близких... очень близких людей...

Ксения почувствовала, что стала говорить слишком бессвязно, и запнулась, сердясь на себя.

...Из-за чего, в конце концов, она так переживает? Ну, умер один клерк, царствие ему небесное, его место займет другой, и через неделю все уже благополучно забудут о нем...

Кроме самых близких, самых любящих людей. Те – да, те будут помнить о нем до последнего вздоха...

Ну да, ну да, помнить-то будут, спора нет, но жизнь продолжается, а мертвые – не соперники живым... И рыжекудрая вдова, которая сегодня так убивается, через несколько месяцев может снова пойти под венец, и будет перед алтарем давать клятву верности какому-нибудь Диду или Тому так же искренне, как сейчас заливается слезами...

– Это Гарри, – прошептала миссис Бойл.

– Что? – Ксения даже изменилась в лице, словно ее мысли подслушали.

– Генри Хэйли, – пояснила вдова. – Он и мой муж вместе были на войне... Боб называл его «Гарри-весельчак» или «Весельчак Гарри». А недавно тот прислал мужу такое...

Она поднялась, подошла к столу и выдвинула один из ящиков. Когда Джуди повернулась к Ксении, та увидела, что хозяйка держит в руках некогда разорванный на четыре части, а теперь аккуратно склеенный лист.

– Отвратительная шутка... По правде говоря, это даже шуткой нельзя назвать. Присылать живому человеку некролог... это кем же надо быть вообще?

В ее тоне звенело неподдельное возмущение.

– Я могу взглянуть? – спросила Ксения, начиная понимать – и в то же время не понимая ничего.

Миссис Бойл протянула ей письмо.

– Да, конечно...

Гостья пробежала глазами строки, и ее брови приподнялись.

– Я вижу, что лист склеен...

– Да. Роберт порвал письмо, но потом, когда он ушел, я вытащила его из мусора... сама не знаю зачем...

Затем, что встревожилась – можно и не объяснять. Ксения вновь просмотрела текст, на сей раз придирчиво изучая каждую букву.

– Это «ремингтон»...

– Простите?

– Напечатано на «ремингтоне». Машинка не новая, потому что хвостики букв пропечатываются не слишком отчетливо, хотя лента явно свежая... Характерный дефект – буква «е» немного ниже строки...

За окнами что-то сверкнуло, и через несколько секунд до женщин донесся удар грома – но, по правде говоря, ни одна не обратила на него внимания.

– Не нравится мне все это, – наконец подала голос Ксения. – Знакомый посылает вашему мужу глумливое письмо в форме некролога, что девятого числа тот умрет. Допускаю, что у Генри Хэйли какое-то особо тонкое чувство юмора, которое мне недоступно, но ведь в этот день ваш муж действительно умирает... почему? Или его настолько расстроило, что...

Джуди всхлипнула и опустилась на диван.

– Да, Боб действительно расстроился... Но не настолько, чтобы умереть! Я его жена, и я его знаю... то есть знала...

– Очень странная история, – призналась Ксения. – Кстати, я не вижу тут подписи автора.

– А ее не было.

– Она стояла на конверте?..

– Нет. На конверте был только наш адрес.

– Тогда почему вы думаете, что...

– Роберт сказал, что, наверное, это его рук дело. Знаете, он вообще не любил Гарри. Помнится, увидел его в ресторане и настоял на том, чтобы мы ушли в другое место...

Ксения нахмурилась.

– Когда это было?

– Где-то с неделю назад.

– Что вообще за человек этот Хэйли? Вы хорошо его знаете?

– Нет. Боб редко упоминал о нем. Мой муж вообще не любил говорить обо всем, что связано с войной... Как-то раз мы с ним столкнулись на улице, и Боб был вынужден представить нас друг другу. Потом мистер Хэйли подвез нас на своей машине.

– На машине?

– Он из обеспеченной семьи. Мистер Хэйли был очень любезен, но я готова поклясться, что Боб точно не был рад его видеть.

Вот те на. Одно дело – не любить бывшего боевого товарища, у которого нет ни гроша за душой, и совсем другое – отмахиваться от того, у кого денег куры не клюют и кто разъезжает на собственной машине. Чем-то мистер Хэйли всерьез насолил скромному служащему. Определенно...

– Вы случайно не знаете, где этот Хэйли живет? Я хочу сказать, у него довольно распространенная фамилия...

– В Мэйфере, – тотчас же ответила Джуди. – Он упомянул Гровенор-стрит... чтобы проинформировать нас впечатление, я думаю. Но номер дома не сказал, а может, я просто забыла.

Да, странные, однако, причуды у обитателя одного из самых аристократических районов Лондона. Жить в Мэйфере и сочинять при жизни некрологи своим приятелям...

– Скажите, как вы сами объясняете себе случившееся? – напрямик спросила Ксения. – Допустим, мистер Хэйли заметил, что вы с мужем ушли из ресторана, чтобы не сталкиваться с ним. Он был настолько мстительным, чтобы устроить такой, прямо скажем, некрасивый розыгрыш?

Джуди нахмурилась.

– Вы знаете, мне приходило в голову нечто подобное, но... он не производил такого впечатления! – воскликнула она. – Я хочу сказать... я не могла понять, почему Боб не хочет с ним общаться... Мистер Хэйли казался таким веселым... действительно Гарри-весельчак... такой жизнерадостный человек, всегда улыбается, воспитанный, любезный... А Боб на дух его не выносил. Сидел тогда в машине, кусая губы, и только и ждал, когда нам можно будет уйти – я по лицу видела...

– Может быть, он просто завидовал богатству своего знакомого? – предположила Ксения.

– Нет, – Джуди энергично мотнула головой. – Нет, мой Боб был не такой... Никому он никогда не завидовал, это не про него вообще. Чужое богатство его не интересовало, он только о нас думал, чтобы у нас дома все было хорошо, чтобы дети не болели, чтобы с работой все было в порядке...

А ведь она действительно любила своего мужа, мелькнуло в голове у Ксении. Может быть, не той пламенной страстью, которая сжигает тех, кто любит, но – простой, честной любовью без всяких выкрутасов, без излишних переживаний и даже без громких слов... Глаза Джуди Бойл были прикованы к фотографии, стоявшей на столе, где она и ее муж были сняты в день свадьбы. Невеста в пене белых кружев прямо-таки лучилась счастьем, муж выглядел по-английски сдержанно, но его улыбка – смущенная и сияющая одновременно – выдавала, что он тоже счастлив. Ксения отвернулась. Неужели, мелькнуло у нее в голове, неужели я завидую им?

– Тем более странно то, что он сделал, – проговорила хозяйка.

– Да, этот некролог действительно странный, – невпопад откликнулась собеседница.

– Я вовсе не о том, мисс... Понимаете...

В лице миссис Бойл появилось какое-то новое, напряженное выражение.

– Я стала сегодня разбирать карточки Роберта, как раз перед вашим приходом... И обнаружила одну вещь. Он с войны привез несколько фотографий, понимаете? Так вот, те, где он стоит один, как были, так и остались. А другие, где он снят с товарищами... Но лучше я вам покажу.

Она поднялась с места, достала небольшой альбом и раскрыла его.

– Вот... Смотрите.

Ксения без труда узнала Роберта Бойла в молодом губастом солдате, который стоял и беспечно шурился в объектив. Белокурая прядь волос свисала из-под его фуражки на левую бровь.

– На следующей странице, – подсказала Джуди.

Судя по светлым пятнам клея на плотных картонных листах альбома, несколько фотографий были уничтожены полностью. От других – вероятно, групповых снимков – остались только те фрагменты, на которых был запечатлен Роберт. Все его соседи оказались аккуратно отрезаны, и только на одном фото, где солдаты стояли обнявшись, была видна чужая рука, лежавшая на плече Бойла, что придавало всей композиции какой-то нереальный вид.

– Очень любопытно, – пробормотала Ксения.

– Это совсем на него не похоже, – беспомощно призналась Джуди. – Совсем. Он всегда так аккуратно хранил любые документы... И на работе его считали образцовым служащим, не в последнюю очередь из-за этого.

– Значит, вчера, получив письмо, он стал резать фото...

– Нет, – покачала головой Джуди. – Не вчера, иначе я бы заметила в мусоре обрезки. Он сделал это давно... и посмотрите, с каким раздражением он отдирает снимки от страниц – кое-где остались кусочки фотографий, там, где они были приклеены. Можно ведь и аккуратно отклеивать, а Боб, получается, был очень расстроен...

Ксения закрыла альбом и, собираясь с мыслями, протянула его Джуди.

– Возможно, вам покажется странным то, что я сейчас скажу, – начала гостья, – но эта история не дает мне покоя. С вашего позволения я хотела бы навестить мистера Хэйли и задать ему вопрос, с какой стати ему вздумалось устраивать такие скверные розыгрыши.

– Вы это сделаете? – недоверчиво промолвила Джуди. – Но...

Однако Ксения была умна и угадала продолжение фразы еще до того, как оно было произнесено.

– Вам лучше не ходить к нему сейчас в таком состоянии, – внушительно проговорила она. – Вы должны думать не только о себе, но и о детях... Это сейчас важнее всего на свете. Я же в некотором роде лицо незаинтересованное, и мне будет легче беседовать с ним. – Она посмотрела на письмо, лежавшее на ее коленях. – Жаль, что конверт не сохранился, но, возможно, письма окажется достаточно... Вряд ли у мистера Хэйли получится долго отпираться.

– Я не знаю, имеет ли смысл... – пролепетала Джуди Бойл и угасла. – Я хочу сказать... это ужасное совпадение, что все так получилось... Но...

– Ваш муж думал о некрологе в последние минуты своей жизни, – сказала Ксения. – И мы не можем исключить возможность того, что эта глупая бумажка каким-то образом ускорила его смерть. Что, если он вообще стал объектом травли со стороны этого любителя розыгрышей и некролог просто стал последней каплей?..

– Но никакой травли не было! – вырвалось у Джуди. – Я хочу сказать... муж обязательно сказал бы мне, если бы что-то такое было... Он лишь получил нелепое письмо...

– Которое вы достали из мусора и склеили, настолько оно вас встревожило, – напомнила Ксения. – Вы же не просто так сделали это, миссис Бойл... Вы, как и я, ощутили угрозу, которая исходит от этого послания. И она мне крайне не по душе.

В комнате наступило молчание.

– Вы полагаете, мистер Хэйли будет с вами откровенен? – наконец спросила Джуди.

Ксения поднялась с места, сложила письмо и сунула его в сумочку.

– Ему придется, – коротко ответила гостья. – У вас есть телефон? Запишите мой номер, миссис Бойл.

Глава 4

Писатель без читателей

Одни моралисты утверждают, что в большинстве своем люди добры, другие – что, напротив, в массе своей люди злы. Третьи же просто считают, что люди, как правило, равнодушны к тому, что не затрагивает непосредственно их самих и их интересы. Однако уж в чем-чем, а в равнодушии Ксению никак нельзя было упрекнуть.

Смерть совершенно незнакомого человека, случившаяся на ее глазах, произвела на девушку крайне гнетущее впечатление, а после беседы с вдовой Ксения окончательно убедилась в том, что тут что-то нечисто. Многое мог прояснить разговор с Генри Хэйли, но прежде чем обращаться к этому джентльмену, следовало как следует обдумать, какой линии придерживаться. Не может же, в самом деле, молодая леди просто явиться к нему и, устремив на шутника пылкий взор, непринужденно осведомиться, с какой стати ему вздумалось послать некролог своему армейскому товарищу, который, судя по всему, вовсе не собирался умирать.

Вернувшись домой, Ксения узнала, что ее искал мистер Бедфорд, который сначала позвонил ей, а потом оставил миссис Ломакс сообщение для нее. Мистер Бедфорд внес последние коррективы во вторую часть своего романа и жаждал надиктовать машинистке готовый текст, чтобы на следующей неделе уже представить рукопись на рассмотрение издателя.

Ксения ни единым словом, ни единым жестом не выдала свое раздражение, но все же в глазах ее появилось такое выражение, что миссис Ломакс посмотрела на нее озадаченно и окончательно убедилась в том, что девушку как можно скорее необходимо пристроить. Для начала миссис Ломакс решила поговорить на эту тему со своим родичем, старым прокурором Найтом, который несколько лет назад вышел в отставку. Эндрю Найт был зануда и брюзга, но он знал все обо всех лондонских юристах и при желании мог подать весьма толковый совет.

Так как время поджимало, Ксения наскоро перекусила, не чувствуя вкуса пищи, и отправилась к Бедфорду. Знаменитый некогда писатель жил на Риджент-стрит, но за громким именем скрывалась куда более скромная действительность в виде небольшой квартирки, полной пыльных книг и экзотических вещиц, нередко поддельных. В основном все эти кинжалы, резные фигурки и мрачноватые колониальные идола были подарками поклонников, потому что даже в молодости Уильям Бедфорд не любил путешествовать, говоря, что больше всего любит перемещаться по страницам книг. За всю свою жизнь он всего лишь два или три раза бывал в Европе и вынес оттуда чрезвычайно оригинальные впечатления о том, что в Париже говорят по-французски, а в Берлине на улицах много военных. Лишь позже Ксения поняла, что в действительности писатель был вовсе не так ограничен, как ей казалось, на самом деле он иронизировал – в такой же степени над самим собой, как и над своими собеседниками. Вообще Бедфорд совершенно искренне считал, что люди везде одинаковые и, стало быть, нет особой нужды путешествовать, чтобы видеть за границей те же типы, что и у себя дома.

Сейчас, в 1927 году, писателю было немногим больше шестидесяти. Для своих лет он сохранил подтянутую фигуру, и только изборожденное глубокими морщинами лицо делало его чем-то смахивающим на старую мудрую черепаху. Черты Бедфорда казались скорее некрасивыми, если не считать черных глаз, в которых до сих пор нет-нет да вспыхивали огоньки, как в молодости. Редкие седеющие волосы писатель зачесывал со лба назад и даже дома одевался как денди, повязывая галстук и тщательно подбирая запонки. Начинал он с журналистики, но через какое-то время стал сочинять книги и отошел от газетной работы. В первых его произведениях не было ничего особенного: он писал об обездоленных – тогда все о них писали, – а когда эта тема публике надоела, переключился на детективы, спрос на которые был куда выше. Одно время он являлся едва ли не самым популярным автором Британии, уступая разве что

Конан Дойлу с его бессмертным Шерлоком Холмсом. Уильям Бедфорд был плодовит (за долгие годы он выработал привычку писать по роману за шесть месяцев), упорен и умел нравиться читателям и прессе. Им импонировало, что он выглядит как джентльмен, но в то же время не чванится, хотя прекрасно было известно, что его книги читают даже в королевской семье. Ему приписывали авторство нескольких острот, которые укрепили за ним репутацию неглупого человека, и даже поговаривали, что он подумывает о политической карьере. Он был удачно женат, но никто почему-то не удивился, когда через некоторое время выяснилось, что Уильям Бедфорд ухитрился как-то незаметно развестись и жениться на другой. По слухам, этот брак оказался еще более удачным. Что касается его детективов, то в общем и целом все они повторяли одну и ту же схему. Герои их были невыносимо благородны, преступления чудовищно запутанны, а героини все без исключения прекрасны. Злодеи строили злодейские козни, но в конце концов непременно получали по заслугам. Если вам этого мало, то следует сказать, что перо у Бедфорда было легкое, и он с одинаковым мастерством умел и выдавить из читателя слезу, и вставить к месту хорошую шутку, чтобы развеселить его. Книги приносили ему немалый доход, и когда самые прозорливые критики указывали ему, что время идет вперед, а он не меняется, оставаясь на том же самом уровне, Бедфорд лишь пожимал плечами. Впрочем, он вообще недолюбливал критиков, которые в упор не видели его, когда он был неизвестен, и прохладно хвалили, когда он стал знаменит.

А потом грянула война, та самая, которую позже назовут Первой мировой. Она тянулась невыносимо долго, а когда все-таки закончилась, выяснилось, что с карты Европы исчезли некогда могущественные державы, несколько миллионов человек отдали свои жизни непонятно за что, а писатель Уильям Бедфорд утратил расположение своих читателей. Его магия больше не действовала, его герои казались картонными марионетками и ходульными болванами – какими они, впрочем, и были всегда, – а его сюжеты уже не пробуждали никакого отклика. Не понимая, что происходит, писатель заметался, стал бросаться в крайности, пытаясь вновь попасть в струю и подражая тем авторам, которые имели успех в данный момент. Но пока он пытался догнать поезд, который ушел, его настиг новый удар – умерла вторая жена, которую он искренне любил. Бедфорд был в отчаянии, но он принадлежал к тем мужчинам, у которых плохо получается жить в одиночестве. Одним словом, он женился в третий раз, на честолюбивой сорокалетней особе со склонностью к литературе, и это обернулось катастрофой. Третья жена обобрала его, заставив среди прочего продать особняк в Челси, и вынудила Бедфорда перебраться в крошечную квартирку на Риджент-стрит. Мало того, третья жена, которой следовало довольствоваться скромной ролью спутницы известного писателя, начала и сама сочинять, причем нечто модернистское, бессвязное и, как уверял рассерженный Бедфорд, в высшей степени бессмысленное. Хорошо еще, что ее писанина не имела успеха, иначе его бы, пожалуй, стали называть «мужем талантливой миссис Бедфорд, – вы, конечно, слышали о ней?». А для любого уважающего себя писателя нет худшего оскорбления, чем стать довеском к чужой славе.

Когда Ксения вошла, Уильям Бедфорд окинул ее взглядом и подумал, что сегодня она чуть бледнее, чем обычно. Любопытно, что такое у нее случилось, мелькнуло у него в голове. Странная машинистка интересовала его, но только с самой эгоистичной в мире точки зрения – писательской. Он чувствовал, что она могла бы стать неплохим материалом для какого-нибудь его романа, но пока не видел сюжета, в котором она оказалась бы на своем месте.

– Поразительные нынче пошли авторы, – ворчливо сказал Бедфорд после обмена приветствиями, закрывая книгу, которую читал до прихода девушки. – Вот, не угодно ли: Вернон Сомерсет. Последняя новинка сезона, везде, куда ни глянь, рекламируется эта книжка. А ведь дрянь несусветная, автор даже в оружии не разбирается. Пистолет то и дело именуется револьвером и наоборот, хотя всякий уважающий себя автор детективов знает, что у револьвера – барабан, у пистолета – обойма, и спутать их никак невозможно. Вот такие вот опусы печатают

сейчас и читают, читают взхлеб... – Бедфорд выразительно скривился, отчего все морщины его черепашьего лица пришли в движение. – Но бывает и хуже, и еще как бывает! Чего стоят хотя бы всезнающие бельгийские сыщики, снабженные какими-то особенными серыми клеточками, которых нет больше ни у кого на свете. Честное слово, я не понимаю, почему сыщик в детективе не может быть просто здравомыслящим англичанином! Но нет – он то француз, то бельгиец, а то и вовсе католический священник, как у мистера Честертона. А эта старая дева, мисс Кристи, которая травит своих героев направо и налево всякими изысканными ядами...

– Миссис Кристи – замужняя дама, – тихо напомнила Ксения. Но Бедфорд отмахнулся от ее слов, как от ничего не значащего пустяка.

– Важно не то, кто она, а то, как она пишет. А пишет она, как старая дева. Чего стоят хотя бы ее юные трогательные девушки, переходящие из романа в роман, которых надо непременно выдать замуж за кого-нибудь, неважно за кого... И ведь она совершенно не знает меры. Прискорбно, но факт: детектив гибнет. Как только в этот жанр пришли непрофессионалы...

Ксения перестала слушать. «Я могла бы быть сейчас на Гровенор-стрит, – сказала она себе, – и Генри Хэйли, он же Весельчак Гарри, мог бы многое мне рассказать. Почему бы мне просто не повернуться и не уйти, оставив старого ворчуна наедине с его разглагольствовани-ями? Ведь я в любое мгновение могу перестать изображать машинистку. Нет ничего скучнее работы с чужими мыслями – особенно когда мысли эти, по сути, отсутствуют. В деньгах я не нуждаюсь, тогда к чему вообще все это? Бросить работу, гулять по набережной недалеко от дома, смотреть на церковь тамплиеров, которых давно уже нет, как и их ордена... И что дальше? Без определенного занятия жизнь превращается в полое никчемное существование. Не зря же сказал Фома Аквинский³ – или это был не он? – что «работа изгоняет демонов». Мои демоны по-прежнему со мной, но когда я работаю, они отступают... и я все реже вспоминаю о том, что произошло в Ницце. Мама была права – я совершила тогда огромную ошибку. Тогда мне казалось, что она судит слишком ограниченно, но сейчас я вижу, что она...»

Бедфорд повысил голос, и Ксения машинально повернула голову в сторону писателя.

– Однако сейчас никого не волнуют заслуги или знания – подумаешь, какие пустяки! Славу человеку делают газеты, а уж им-то подавай совсем другое... Вы читали последние выпуски? Помните, кого там на все лады обсуждают на первых полосах? Не короля, не премьер-министра, даже не современных актрис, прости господи, а вот эту... миссис Карлайл! Жену мясника, которая то ли нанесла шестнадцать ударов ножом любовнице мужа, то ли не нанесла... Которую неделю тянется этот дурацкий процесс, и все гадают: она это была или не она? Разумеется, куда уж честному писателю соперничать с женой какого-то мясника... и даже такому писателю, как Вернон Сомерсет! – ядовито прибавил Бедфорд.

А ведь он завидует, печально подумала Ксения, просто завидует, и больше ничего. Сидит неглупый, в общем-то, человек и переживает, что у него теперь не такая слава, какая была раньше. Впрочем, будь даже Бедфорд сейчас знаменит, как до войны, он бы наверняка нашел другие причины для недовольства. Возраст, жена, которая отравляет ему жизнь, действия правительств – да мало ли что...

– О чем вы думаете? – не удержался писатель.

– О том, что на свете нет счастья, – серьезно ответила Ксения.

Бедфорд прожил немало и не без самодовольства считал, что никто на свете больше не способен его удивить. Однако факт остается фактом: он не сразу нашелся, что ответить.

– Счастье... гм... – Писатель откашлялся, чтобы скрыть смущение. – Собственно говоря, все зависит от того, что понимать под этим словом. Лично я бы сказал, что счастье все-таки существует, но... прячется от людей...

³ Религиозный философ (1225 или 1226–1274).

«Может быть, у нее денежные затруднения? – размышлял он. – Конечно, я мог бы платить ей больше, тем более что она превосходная машинистка, но... с другой стороны, зачем, если она согласилась на меньшую оплату? Да и дела мои сейчас вовсе не блестящи...»

– Что ж, – неловко промолвил он, – я полагаю, мы можем приступить к... Ну да, приступить к работе.

Ксения печатала на машинке, которая стояла у Бедфорда в кабинете, что избавляло девушку от необходимости таскать с собой громоздкий чемоданчик с собственной машинкой. В прошлый раз Ксения заметила хозяину, что пора менять ленту, но, едва сев на место, девушка сразу же заметила, что катушку никто не менял.

– Нужна новая лента, – сказала она вслух.

Бедфорд, сидя в кресле, рассеянно взглянул на нее поверх очков.

– Лента? Ах да... Минуточку.

Новая лента пачкает руки, а катушка никак не хочет стать на место. Наконец Ксении удалось наладить все как надо.

Лист, копирка, второй лист...

– Часть вторая. «Инспектор Кертис действует». Глава первая...

Бедфорд диктовал негромким голосом, интонационно расставляя знаки препинания, так что Ксения и без подсказок понимала, где запятая, где точка, а где прямая речь. Она печатала быстро, практически не делая опечаток и вникая в текст лишь настолько, насколько было необходимо. Еще в начале работы девушка сообразила, кому автор назначил роль убийцы, – само собой, это был персонаж, который не вызывал абсолютно никаких подозрений, и к тому же женщина. Ксения догадывалась, что старомодному Бедфорду его дерзость кажется едва ли не революционной, но предчувствовала, что публика, которая до того прочитала сотни книг, где действовали женщины-преступницы, вряд ли будет с ним единомышленна. В качестве уступки современным вкусам Бедфорд решил также разнообразить сцены убийства, но переборщил с кровавостью. В результате получилась тошнотворная натуралистичность, которая могла только оттолкнуть читателя, а не расположить его к себе.

Старинные часы отбили четверть, потом половину. Вскоре Ксения и писатель услышали, как за дверями зазвонил телефон. Звон быстро прекратился, к аппарату подошел дворецкий. Бедфорд оборвал диктовку и поморщился, словно знал, кто звонил, и отдавал себе отчет в том, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Сэр!

– Меня нет, – отрывисто бросил писатель дворецкому, который стоял на пороге.

– Но миссис Бедфорд...

– Особенно для миссис Бедфорд, Джеймс!

Дворецкий молча поклонился и вышел, бесшумно затворив за собой дверь, а писатель почувствовал, как у него испортилось настроение. Еще утром он любил свой роман, а теперь ему не в радость было видеть собственные строки, не в радость диктовать текст машинистке, которая печатала так быстро, что едва успевала переводить каретку со строки на строку.

– Если вы не против, сделаем перерыв, – сказал Бедфорд Ксении.

Она не стала возражать, и это внезапно показалось ему обидным, потому что они оставались в самом разгаре ударной, как полагал автор, сцены. (Впрочем, Ксения еще в конце прошлой главы поняла, куда ветер дует, и догадалась, чей труп должен будет обнаружить бравый инспектор Кертис в образцовом саду одного из героев.) Довольно неловко Бедфорд принял попытку оправдаться.

– Некоторым детектив может показаться несерьезным жанром, – сказал писатель. – Но, уверяю вас, это не так. Детектив может принимать любую форму, в зависимости от целей автора. И, в конце концов, – вдохновенно добавил он, – что такое, к примеру, шекспировский «Гамлет», как не мистический детектив? Все составляющие хорошего детектива здесь налицо:

убийство, расследование и возмездие. Привидение, на мой вкус, совершенно лишнее, Гамлету следовало самому догадаться, кто убил его отца, но Шекспиру приходилось считаться с условностями эпохи. Можно только предполагать, как он написал бы эту пьесу сейчас, когда мистика больше не в моде.

– Сейчас он бы вообще не стал писать пьесы, – не удержалась Ксения. – Он бы служил в банке, вот и все.

Тут, надо сказать, Бедфорд изумился вторично – настолько, что даже забыл о неприятном звонке жены. (Некоторое время назад она вбила себе в голову, что обязана познакомить мужа со своим очередным любовником, и Бедфорд уже отчаялся внушить ей, что вовсе недостойн такой чести.)

– Тут, пожалуй, я могу с вами поспорить, – начал писатель, с любопытством глядя на свою собеседницу. – Если у человека есть талант, он все равно возьмет верх. Уверен, современный Шекспир ненадолго бы задержался в своем банке...

Бедфорд был готов развивать эту тему и дальше, но с присущей ему чуткостью он уловил, что Ксения витает мыслями где-то далеко и вовсе не Шекспир волнует ее в настоящий момент.

– Хотя я не думаю, что современный «Гамлет» был бы лучше того, классического, несмотря на все неправдоподобие некоторых моментов, – прибавил писатель шутливо, чтобы закрыть тему.

Ксения усмехнулась.

– Жизнь тоже не слишком заботится о правдоподобии, мистер Бедфорд. Например, я знаю... то есть знала одного человека, который получил по почте шуточный некролог, что он умрет девятого марта. Жена этого человека уверяет, что он был совершенно здоров и не собирался умирать, однако девятого числа тот действительно умер. Неправдоподобно? Да. И тем не менее это имело место в реальности.

– Боже мой! – воскликнул писатель. – Какой поразительный сюжет!

Ксения подскочила на месте и широко раскрытыми глазами уставилась на своего бессердечного собеседника.

– Мистер Бедфорд, сэр... Это не сюжет. Это реальная жизнь. Если вы видели утренние газеты, там как раз описывается этот случай, только без упоминания о некрологе. Роберт Бойл, тридцати четырех лет от роду... смерть на Стрэнде... И ведь у него не было совершенно никакой причины умирать.

– Разумеется, была, – отмахнулся Бедфорд, своим бисерным почерком записывая что-то в маленькую книжечку, куда он всегда заносил новые сюжеты, удачные обороты и пришедшие ему на ум остроумия, чтобы впоследствии использовать их в своих произведениях. – Была, и не спорьте... Я не говорю о реальной жизни, разумеется, меня совершенно не интересует, что могло в действительности произойти с этим господином. Но в детективе, само собой, причина его гибели может быть только одна. – Он даже зажмурился от удовольствия.

– И что это за причина? – спросила Ксения.

– Убийство, – с торжеством ответил мистер Бедфорд.

Глава 5

Весельчак Гарри

Уверена, с вами это тоже случалось.

В конце концов, с каждым может произойти что-то из ряда вон выходящее. Вы ломаете себе голову, пытаетесь понять причину, прикидываете и так и эдак, ищете правдоподобные объяснения... И тут появляется некто – человек, который, как вам кажется, не способен пролить свет на происходящее, – и одной фразой, одним словом, одним замечанием расставляет все по местам.

Убийство!

Да нет, повторяла себе Ксения, возвращаясь домой, о каком убийстве может идти речь? Не было ничего подобного, никто не убивал Роберта Бойла, он умер сам, ведь она сама была там, она видела...

А некролог? А таившаяся в нем угроза?

Глупая шутка, только и всего. И если Генри Хэйли прочитал утренние газеты, он уже раскаивается в ней.

Шутка? Нет, это не шутка, и не стоит себя обманывать. Надо очень сильно ненавидеть человека, чтобы решиться на такое...

И вовсе не обязательно приплетать сюда ненависть, одернула себя Ксения. Может, этот Весельчак Гарри просто непроходимо глуп? Как говорит Амалия, мы привыкли предполагать логику и смысл там, где чаще всего причиной является обыкновенная глупость...

И Ксения решилась. Она села в такси и велела везти себя на Гровенор-стрит. Точный адрес мистера Хэйли она уже знала из справочника.

Увы, величавый и неприступный, как банковский сейф, дворецкий сообщил, что мистера Хэйли нет дома, но завтра до обеда у леди будет возможность застать его, если она пожелает. Ксения оставила свою визитную карточку с коротким сообщением и, ощущая отчего-то глубокое недовольство собой, вернулась в Темпл.

Дома она некоторое время беспцельно блуждала от одной стены к другой, и наконец, чувствуя потребность поделиться с кем-нибудь тем, что ее беспокоило, позвонила матери.

– Скажи, мама, что ты обо всем этом думаешь? – спросила Ксения, закончив свой рассказ.

Некоторое время Амалия молчала.

– Я думаю, реально ли внушить человеку, что он должен умереть в определенное время, – сказала она наконец. – Ты, безусловно, права в том, что совпадение реальной смерти с той, что была предсказана в некрологе, выглядит подозрительно. Но...

– Да?

– Человека, который видел войну, просто так на испуг не возьмешь, – спокойно сказала Амалия, – и до смерти не напугаешь. А Бойл был на войне с 1914 года. Нет, тут что-то не сходится. И вообще пока у нас слишком мало данных, чтобы делать выводы.

– Я предположила, что он стал объектом травли и некролог стал просто последней каплей, – проговорила Ксения, волнуясь. – Но его жена уверяет, что никакой травли не было.

– Жена могла и не знать, но дело даже не в этом.

– А в чем?

– В фотографиях. Женщина легко уничтожает фотографии – в порыве разочарования, от недовольства собой, в гневе, по тысяче других причин. Мужчины – другое дело. Я бы сказала, что они в общем равнодушны к своим изображениям, и нужно что-то очень серьезное, чтобы они стали рвать карточки в клочья. Ты действительно хочешь завтра навестить этого Хэйли?

– Да.

– Попытайся узнать у него, что такое случилось между ним и Бойлом, что последний не желал с ним общаться после войны. Вряд ли это было так же серьезно для Хэйли, как для Бойла, но...

– Почему ты так думаешь?

– Ну, он же подвез Бойла и его жену и, судя по всему, никак не показал, что встреча со старым товарищем была ему неприятна. Зато в следующий раз старый товарищ сам ушел из ресторана и увел жену, едва заметил там Хэйли. Роберт Бойл явно не желал повторной встречи – интересно, почему?

Утром 11 марта Ксения вышла из такси на Гровенор-стрит и позвонила в знакомую дверь.

– Да, мисс, разумеется, я помню вас. Проходите, мистер Хэйли вас ждет.

Мистер Генри Хэйли оказался подтянутым щеголеватым брюнетом лет тридцати пяти, с узким лицом, наиболее примечательной частью которого являлись идеально подстриженные усы. Легко было представить его в военной форме и еще легче сообразить, как она, вероятно, ему шла в те годы. Сейчас хозяин дома был собран и серьезен, так что мало кто рискнул бы назвать его весельчаком.

– Вы написали, мисс, что дружите с женой Боба... – Говоря, он окинул внимательным взглядом гостью с головы до ног, не упустив ни единой мелочи из ее облика. – Прошу вас, садитесь. Я читал в газетах... прискорбно, весьма прискорбно...

«Не англичанка, дорогие духи, платье из Парижа и чертовски ей к лицу. Ни одного украшения, только повязала на французский манер шарфик на шею... Шикарно, просто шикарно! Интересно, где эта рыжая кобыла могла с ней познакомиться? Жене Бойла парижские наряды точно не по карману, и она, бедняжка, даже не понимает, что такое стиль...»

Когда Ксения ехала в Мэйфер, у нее в голове сложился целый план, как именно разговаривать Хэйли и, понемногу подбираясь к сути, заставить его выдать нужную ей информацию. Но едва она увидела его лицо, у нее пропало всякое желание ходить вокруг да около. Инстинктивно она почувствовала, что такой неглупый и проницательный человек вряд ли проговорится. Он скажет ровно столько, сколько сочтет нужным – если, разумеется, не застать его врасплох.

– Я бы хотела попросить у вас объяснений по поводу этого, – без всяких предисловий сказала Ксения и, щелкнув замочком сумочки, достала оттуда злосчастный некролог.

Едва ее собеседник увидел черную рамку и первые слова текста, на лице его мелькнуло удивление, и Ксения могла бы поклясться, что оно было совершенно искренним. Кроме того, она отметила одну особенность: если только что Генри Хэйли любезно улыбался, теперь его губы сжались, а брови нахмурились. Взяв склеенный лист из рук девушки, он внимательно прочитал то, что там значилось.

– Значит, Боб тоже... – начал он и осекся. – Скажите, почему вы пришли с этим именно ко мне?

– Мистер Бойл решил, что вы можете быть автором этого послания.

– Я? – изумился Хэйли. – С какой стати?

– Он просто так подумал. А что, он был не прав?

В комнате наступило молчание, сидящий напротив Ксении человек взвешивал, что он может открыть ей, а о чем промолчать. Девушка это почувствовала.

– Боюсь, Роберт был обо мне не самого лучшего мнения, – промолвил наконец Хэйли.

– У него имелись на то причины?

Хозяин дома метнул на Ксению странный взгляд.

– Вряд ли, мисс.

Ответ вполне соответствовал взгляду, но девушку это не остановило.

– А точнее? – настойчиво спросила она.

– Полагаю, вам будут неинтересны наши мелкие разногласия, – улыбнулся Хэйли. – На войне чего только не бывает...

– И тем не менее я хотела бы узнать подробнее об этих разногласиях, сэр.

– Они не имеют отношения к делу.

– Неужели? А что же имеет?

– То, что вчера я получил похожий некролог.

Ксения остолбенела.

– Вы?

– Я.

– Могу я взглянуть на него?

– Разумеется. Дорсет! Принесите, пожалуйста, вчерашнее письмо. Да, да, то самое, которое так меня озадачило.

Уже по адресу, напечатанному на конверте, Ксения убедилась, что автор пользовался той же самой машинкой с выбивающейся из общего ряда буквой «е». Внутри конверта обнаружился лист с текстом, обведенным черной каймой.

«Без всякого прискорбия извещаем, что мистер Генри Спенсер Хэйли скончается в Лондоне одиннадцатого числа сего месяца. Мистер Хэйли родился в 1890 году, затем рос, учился, выпивал, занимался спортом, устраивал розыгрыши, но для чего он жил, не сможет сказать никто, включая его самого. В начале войны он предпринял героические усилия, чтобы не попасть туда, но в конце концов все же оказался на фронте. Следует отдать мистеру Хэйли должное – на войне он ухитрился проводить время так же весело, как и в тылу, и даже получил орден за то, за что его должны были отдать под трибунал. После окончания войны и вплоть до своей безвременной смерти мистер Хэйли заводил и бросал подружек, тратил деньги, которые получил в наследство, и казался всем глупцам образцом английского джентльмена. У покойного не останется ни одного человека, который стал бы жалеть о нем. О месте и дате похорон все желающие смогут узнать из газет».

– Поразительно... – пробормотала Ксения.

Но она не смогла удержаться от мысли: «А не послал ли этот милый человек письмо себе сам, испугавшись последствий своего розыгрыша?» Машинально она поглядела на штемпель, как будто он мог сказать ей правду. Чаринг-Кросс, отправлено девятого марта. Сообщение о смерти Бойла появилось в утренних газетах десятого числа. С другой стороны, что мешало Хэйли проследить за Бойлом вечером девятого и, убедившись, что шутка окончилась трагедией, придумать некролог уже для самого себя, чтобы сбить с толку полицию в случае возможного расследования?

– Что вы собираетесь предпринять? – спросила Ксения.

– Предпринять? – Хэйли пожал плечами. – В связи с чем? Какой-то ненормальный развлекается, рассылая глупые письма, и думает, что может кого-то этим напугать. Допустим, я обращаюсь в полицию, и что я им скажу? Что я, взрослый человек, испугался чьей-то нелепой шутки?

– Шутка или нет, но в этом письме назначили дату вашей смерти, – настаивала Ксения. – Между прочим, первый некролог обещал Бойлу смерть девятого числа, и он действительно умер.

– Боб всегда принимал близко к сердцу вещи, которые того не стоили, – спокойно ответил Хэйли.

Интересно, очень интересно. Уж не послал ли ты ему некролог, рассчитывая на то, что Роберт Бойл как раз «примет его близко к сердцу»?

– Иными словами, его смерть представляется вам вполне закономерной? – чуть резче, чем ей хотелось бы, спросила Ксения.

– Милая леди, я не врач и не коронер, – безмятежно отозвался ее собеседник. – Полагаю, что если человек умирает, тому должны быть веские причины. В последнее время я не слишком тесно общался с Бобом и не знаю, какой была его ситуация, но сомневаюсь, что это смехотворное послание имеет отношение к его смерти. Возможно, было что-то еще, что сыграло определяющую роль – больное сердце, к примеру. А письмо – всего лишь письмо, и каким бы неприятным оно ни было, оно не может никого убить.

– Я бы не сказала, что оно просто неприятное, – заметила Ксения. – Эти письма сообщают о еще не наступившей смерти как о свершившемся факте, а это гораздо хуже. Скажите, мистер Хэйли, у вас есть враги?

– Гм... Полагаю, они есть у всех.

– Враги, которые могли ненавидеть вас и Бойла, возможно, еще с войны. Есть такие?

И тут в глубоко посаженных глазах Хэйли что-то мелькнуло, словно он что-то внезапно понял или сообразил, кто сидел за пишущей машинкой и кто на самом деле сочинял эти зловещие некрологи живым людям. «Нет, – в смятении подумала Ксения, – нет, это точно был не он... Кто-то другой. И Генри Хэйли знает, кто это, и знает, почему он так поступает...»

– Нет, – вырвалось у Хэйли, – этого не может быть! Вздор какой-то...

– О ком вы говорите, сэр? Кого вы имеете в виду?

Но Весельчак Гарри не относился к людям, которые просто так выдают свои секреты. Он овладел собой и, взглянув на Ксению, сердечно улыбнулся.

– Я понимаю, мисс, как вся эта история расстроила вашу подругу. Потерять мужа – это ужасно. Прошу вас, передайте миссис Бойл мои искренние соболезнования.

Тщетно пыталась Ксения вернуть разговор к автору некрологов. Генри Хэйли надежно укрылся за стеной из общих слов, любезно улыбался, но, по сути дела, не говорил ничего, и раздосадованная девушка поняла, что больше никаких сведений она из него не вытянет. Все же она предприняла еще одну попытку:

– Если вам что-нибудь станет известно, мистер Хэйли... Вот мой телефон.

Хозяин дома рассеянно кивнул, и тут Ксения решилась на недозволенный прием. Передавая ему визитную карточку, она как бы невзначай дотронулась до его руки и со значением поглядела ему в глаза.

– Нас с миссис Бойл очень, *очень* беспокоит эта история, – шепнула она.

«Неужели она была любовницей Боба? – мелькнуло в голове у Хэйли. – А я-то всегда считал его таким рохлей! Конечно, стала бы она искать меня, будь она просто подругой его жены...»

– А если мне ничего не станет известно? – многозначительно спросил он, выгибая бровь.

– Тоже позвоните, – отозвалась Ксения, вынудив себя улыбнуться. – Иначе я буду беспокоиться... За вас.

– Неужели?

– Да, ведь сегодня одиннадцатое число. – Она взглядом указала на некролог, лежавший на столе.

– Уверяю вас, я вовсе не собираюсь умирать, – заметил Хэйли со смехом. – Этого еще не хватало!

Он проводил Ксению до дверей и пообещал дать ей знать, как только что-то прояснится. Однако, когда девушка удалилась, выражение лица Весельчака Гарри изменилось. Хмурясь, он сделал несколько шагов по комнате и наконец, не сдержавшись, стукнул кулаком по столешнице.

– Ну, Тимоти Гарретт, берегись! – в сердцах проговорил Хэйли. – Если я прав, тогда... Если я прав, тебе не жить!

Глава 6

Кое-что проясняется

Остаток дня Ксения провела в обществе Уильяма Бедфорда, который продолжил диктовку своего романа. От писателя не укрылось, что его помощница нервничала, хмурилась и – что с ней случалось крайне редко – делала в тексте гораздо больше ошибок, чем обычно.

Впрочем, в перерыве Ксения не удержалась и рассказала Бедфорду о своем визите к человеку, которого она еще утром считала автором некролога.

– Довольно оригинальный поворот сюжета, – заметил писатель. – Тот, кого вы считали ответственным за шутку, сам оказался... гм-м...

– Это не сюжет, – проворчала Ксения, которая никак не могла привыкнуть к манере Бедфорда видеть вещи исключительно с удобной для его ремесла точки зрения.

– Позвольте с вами не согласиться, – живо возразил писатель. – Во всяком случае, то, что вы рассказываете, куда увлекательнее этой несносной миссис Карлайл, о которой трубят все газеты. Зарезать любовницу своего мужа – что может быть банальнее? А в вашей истории хотя бы есть тайна, есть, так сказать, соль, нечто такое, что завораживает. Если бы я писал детектив о людях, которым при жизни присылают некрологи...

Ксения затаила дыхание. Бедфорд заметил это и улыбнулся.

– Конечно же, это месть. На войне Бойл и Хэйли совершили что-то такое, за что им теперь мстят. И сегодня мистер Хэйли умрет, как и было обещано.

– Ну, нет! – вырвалось у Ксении.

– Да, умрет, и выглядеть это будет как несчастный случай, – поддразнил ее писатель. – Все дело в том, что письма, понимаете... те самые некрологи... они отравлены ядом кураре.

Ксения насупилась.

– Мистер Бедфорд!

– Ну да, я понимаю, почему вам не по душе моя теория. Ведь вы тоже держали эти письма в руках, как и миссис Бойл. Хорошо, я согласен на яд, который действует только на того, кто первым читал письмо...

– Сэр!

– Тогда возникает вопрос, почему тот, кто посылает письма, не отравился сам, да? Но это уже детали. У него есть противоядие, например...

– Но...

– Да-да, я прекрасно помню, что мы с вами обсуждаем не роман, а реальность... в которой куда проще стукнуть человека по голове кирпичом, чем посылать ему отравленные письма.

Уильям Бедфорд театрально вздохнул. С утра у него болело сердце, все его мысли были пронизаны предчувствием смерти, которая еще не здесь, рядом, но уже подстерегает его, и вот явилась хорошенькая темноволосая девушка с головкой, набитой прелестными глупостями, и все мрачное, что мучило его, отошло на второй план, – и даже сердце перестало болеть.

– Вообще нелепый какой-то выходит сюжет, – продолжал писатель раздумчиво. – Вчера я вам сказал, что тут может скрываться убийство, но если вы хотите убить кого-то, зачем вам фактически предупреждать его о своих намерениях? Это нонсенс...

– И что же вы думаете обо всем этом? – не удержалась Ксения.

– Смерть Бойла – чистая случайность, – веско уронил Бедфорд. – Эти письма преследуют какую-то свою цель, они вовсе не то, чем кажутся.

– Какую цель могут преследовать некрологи, посланные живым людям? – проворчала Ксения.

– Не знаю. Но Роберт Бойл и Генри Хэйли пересеклись на войне, и она упоминается в обоих текстах. Обратите внимание на выбор слов: один «не прославил себя никакими подвигами», другой «получил орден за то, за что его должны были отдать под трибунал». – Бедфорд со значением прищурился. – Интересно, у Бойла было много денег?

Ксения подалась вперед, ее щеки порозовели.

– Вы хотите сказать, что это шантаж? Кто-то шантажирует их, намекая на их прошлое... и Бойл испугался огласки настолько, что умер? Но почему он тогда сказал жене, что письмо наверняка прислал Хэйли?

– Для отвода глаз, – парировал Бедфорд, иронически сощурившись. – А может быть, он пытался сам себя убедить в том, что ему ничего не угрожает. Но предположим, что днем девятого марта ему позвонил шантажист и обозначил свои требования. Могло такое случиться? Вполне. Бойл взвинчен, он идет по улице, и тут...

– Нет. – Ксения решительно тряхнула головой.

– Что – нет?

– Он шел в магазин игрушек на Стрэнде. Если бы ему угрожал шантажист, если бы все было так серьезно, Бойл бы думать забыл о подарке для сына. Он поспешил бы за деньгами в банк... либо обзавелся бы оружием, чтобы решить проблему другим путем.

– Не хотите рассмотреть вариант, что шантажист назначил ему встречу возле магазина игрушек? – мягко спросил Бедфорд.

– Не хочу.

– Почему?

– Потому что, чем больше я об этом думаю, тем меньше мне верится, что все затевалось ради шантажа. Слишком уж сложная комбинация.

– Тогда у нас остается только одно объяснение: письма рассылает сумасшедший.

– О!

– Понимаю, почему вам не по душе такой поворот сюжета. В хорошем детективе преступник не будет ненормальным, к этому дешевому трюку прибегают только слабые и безответственные авторы. Но посмотрим правде в глаза: нормальный шантажист действительно изложил бы свои требования иначе, нормальный убийца вообще не стал бы рассылать извещения... что остается? Только нормальный сумасшедший.

Произнося последнюю фразу, Бедфорд машинально отметил про себя, что неплохо было бы вставить ее в какой-нибудь роман.

– Остается только объяснить, почему он выбрал именно Бойла и Хэйли, – проворчала Ксения.

– О, ими наверняка дело не ограничится, – жизнерадостно отозвался писатель. – Я хочу сказать, в романе жертв было бы куда больше. Кстати, мы с вами не рассмотрели еще вариант тайного немецкого общества, которое поставило перед собой цель мстить бывшим английским военным. Лига рейха – как вам такое название, а?

– Сэр, – в сердцах выпалила Ксения, – осмелюсь вам заметить, что вы... вы...

– Да, мисс?

– Вы просто невыносимы!

– А вы, мисс, просто прелесть! – совершенно искренне ответил писатель, который забавлялся, как никогда.

Бедфорд окончательно запутал Ксению, и, возвращаясь после работы домой, она решила, что больше никогда не станет говорить с ним о Бойле, Хэйли и странных письмах.

На Пикадилли Ксения купила вечерние газеты и за ужином прочитала их, но ни в одной больше не упоминалось о Роберте Бойле. Зато имелся подробный отчет о процессе миссис Карлайл, которая так раздражала писателя, и заметка о том, что пропавшая несколько дней назад в Суррее продавщица так и не нашлась, причем это не первый случай исчезновения

в графстве. От скуки Ксения переключилась на раздел объявлений (в котором, как уверял Бедфорд, всегда можно найти сюжеты для нескольких романов), но тут позвонила миссис Бойл, и девушка рассказала ей все, что удалось сегодня выяснить у Весельчака Гарри.

– Мне так неловко, – призналась вдова. – Из-за меня и моих глупых страхов вы потратили время, которое, наверное, могли бы употребить с большей пользой. У мистера Хэйли безупречная репутация, и я убеждена, что он не имеет к этому письму никакого отношения...

– Возможно, – коротко сказала Ксения, которая поняла, что миссис Бойл уже раскаивается в том, что согласилась на ее помощь. – Время покажет.

Повесив трубку, она подумала, не позвонить ли ей Хэйли.

«Но что я ему скажу? Еще, чего доброго, он решит, что я навязываюсь ему...»

Для гордой Ксении подобная мысль была невыносима, поэтому она просто дочитала сборник рассказов Тэффи⁴, который начала читать несколькими днями ранее, и отправилась спать. Но сон долго не шел к ней. Она ворочалась с боку на бок, погружалась в кратковременную дрему и просыпалась. Когда она наконец заснула, шел уже третий час ночи.

Разбудил ее звонок в дверь.

Ксения открыла глаза, перевернулась на другой бок и подтянула одеяло повыше, но звонок повторился, и теперь он звучал еще более резко, чем в первый раз. Чувствуя досаду, как всякий человек, которому не дали выспаться как следует, Ксения вылезла из постели и, спронежая забыв надеть тапочки, голыми ногами зашлепала к двери.

– Миссис Ломакс, я сегодня буду завтракать позже, – объявила она, распахнув дверь.

Но взгляд полусонной Ксении уперся вовсе не в квартирную хозяйку, а в совершенно незнакомого человека в макинтоше и старой измятой шляпе.

– Мисс Зиния Тэймерен? – осведомился человек, буравя ее недоверчивым взглядом, словно подозревал какой-то подвох.

– Ксения Тамарина, – поправила его собеседница, – а вы кто?

– Я инспектор Стивен Хантер из Скотленд-Ярда, – отозвался незваный гость и предъявил документ, удостоверяющий, что он действительно инспектор, а не какой-нибудь там констебль. По-английски он говорил вполне академически, но иногда все же начинал сбиваться на говор кокни, глотая букву h и употребляя личные местоимения вместо притяжательных. – Полиция, – зачем-то прибавил Хантер, как будто имелась хоть малая доля вероятности, что девушка, стоящая на пороге, может принять его за молочника или булочника.

Машинально Ксения протерла глаза, и тут...

...И тут только она сообразила, что стоит перед незнакомым мужчиной в пижаме! непричесанная! и даже без домашних тапочек!

– Инспектор, – прошептала Ксения, краснея, – вас не затруднит подождать? Только минутку! – быстро прибавила она.

И, пока инспектор Хантер открывал рот – возможно, чтобы возразить, а возможно, совсем наоборот, – Ксения быстро захлопнула дверь.

Из квартиры до инспектора долетел шум, как будто кто-то наткнулся на угол шкафа, что-то упало и с сухим треском разбилось, потом некоторое время не было слышно вообще ничего, и наконец дверь отворилась вновь.

В экстраординарных обстоятельствах для женщины бывает достаточно и нескольких минут, чтобы сотворить чудеса. Ксения успела умыться, причесаться, переодеться, брызнуть на себя духами и теперь с ясной улыбкой смотрела в лицо гостю.

– Прошу вас, мистер... э... – Его имя совершенно вылетело у нее из головы.

⁴ Надежда Тэффи – русская писательница (1872–1952), автор рассказов, пронизанных мягким юмором. До революции в России пользовалась колоссальной популярностью.

– Хантер, – буркнул полицейский. Он бросил подозрительный взгляд внутрь квартиры, словно там могла находиться свора преступников, лелеющих планы покушения на его жизнь, и после легкого колебания переступил через порог.

– Можете снять плащ, – любезно сказала Ксения. – Гостиная вон там.

Стивен Хантер покосился на нее еще более подозрительно и сердито засопел, но макинтош и шляпу все-таки снял. Только сейчас, стоя напротив него, Ксения сообразила, что гость почти на полголовы ниже ее. Пока он не снял шляпу, это было не так заметно. Поглядев на его ноги, девушка машинально отметила, что и ботинки он надевает на толстой подошве, чтобы казаться выше ростом.

Они прошли в гостиную, где на стенах в золоченых рамах висели портреты каких-то адвокатов в мантиях, а в углу стоял викторианский шкаф, набитый юридической литературой. Наблюдательный инспектор уже отметил, насколько мало Ксения соответствует окружающей ее обстановке. Впрочем, он также догадался, что саму девушку, по-видимому, это ни капли не заботит.

– Присаживайтесь, инспектор... Так о чем мы с вами будем говорить?

Инспектор Хантер, лишенный защитной брони из макинтоша и шляпы, оказался молодым человеком («года тридцать три, не больше») в мешковатом костюме, явно купленном на распродаже. Коротко стриженные светлые волосы Хантера топорщились воинственным ежиком, словно намекая на то, что их обладателя лучше лишний раз не задирать. Он был коренаст, с треугольным скуластым лицом, усыпанным веснушками, маленьким ртом и носом боксера, из-за чего у Ксении сразу же сложилось о госте вполне определенное впечатление.

«Из низов, с детства привык драться, потому что многие задевали его из-за маленького роста... Упорный, цепкий, но, скорее всего, звезд с неба не хватает».

– Вы, кажется, не слишком удивились моему визиту, – заметил инспектор, буравя ее взглядом.

«Черт возьми, что это за иноземная принцесса? Хозяйка сказала, что она работает машинисткой. Черта с два я этому поверю...»

– Я просто рассчитываю, что вы сами мне все объясните, – отозвалась Ксения спокойно.

Стивен Хантер как-то неопределенно хмыкнул, залез в карман и достал оттуда довольно пухлый блокнот, на две трети испещренный какими-то загадочными записями. Если бы их посчастливилось увидеть постороннему наблюдателю, он бы заметил, что записи идут то крупно, то убористо, то вдоль, то поперек листа, а то и вообще по диагонали. Кроме того, пурист наподобие Уильяма Бедфорда не преминул бы отметить немалое количество грамматических ошибок и полное отсутствие на некоторых страницах знаков препинания.

– Скажите, вам знаком некий Генри Спенсер Хэйли? – спросил Хантер.

– Если вы о том Хэйли, который живет на Гровенор-стрит, то да.

– Жил, – поправил собеседницу инспектор. – Вчера вечером его убили.

– Одиннадцатого марта? – невольно вырвалось у Ксении. – Как это произошло?

– Его застрелили.

– Застрелили? Кто?

– Как выразились бы на коронерском дознании, «неизвестное лицо или лица», – хладнокровно отозвался инспектор.

Невероятно. То есть, собственно говоря, почему невероятно? Роберт Бойл получил первый некролог и погреб. Генри Хэйли получил второй – и тоже умер...

– Скажите, – откровенно спросила Ксения, – вы уже знаете о некрологах?

Не сводя с нее взгляда, Хантер кивнул.

– Я видел тот, который получил Хэйли. Его слуга рассказал мне о вашем вчерашнем визите и о том, что вы представились знакомой миссис Бойл. Утром я побывал у миссис Бойл, которая сказала, что полученное ее мужем письмо находится у вас. Где оно?

Ксения поднялась и вышла в спальню, где на кресле лежала ее сумочка. Забрав оттуда некролог, Ксения вернулась в гостиную.

– Вот... Это некролог, который получил мистер Бойл.

– Вы хорошо его знали? – как бы между прочим поинтересовался полицейский, прочитав текст.

– Я вообще его не знала. Так получилось, что он скончался у меня на глазах, и его последние слова меня озадачили. Я решила, что для его вдовы они могут что-то значить, и отправилась к ней. От нее я узнала о письме, ну и...

Стивен Хантер вздохнул.

– Вы, наверное, любите детективы? – ни к селу ни к городу осведомился он с покровительственной ноткой в голосе.

– Я сейчас работаю у мистера Уильяма Бедфорда, – с достоинством ответила Ксения, чтобы избежать утомительного объяснения, что на самом деле к романам об убийствах она совершенно равнодушна.

– У Бедфорда? Того самого?

Хантер весь подобрался, и у Ксении мелькнула мысль, что он отчего-то даже обиделся. Неужели романы Бедфорда ему настолько антипатичны?

– И как он? – мрачно спросил инспектор.

– Мистер Бедфорд? Достойный старый джентльмен.

– Терпеть не могу писателей, – к удивлению Ксении, пылко объявил Хантер. – Напримудумывают всякого, а люди им верят... И вообще, что они знают о реальной жизни? У них-то самих работенка непыльная, знай сиди себе и сочиняй... Это же не они снашивают подметки и получают нагоняи от начальства... Да и вообще, хотел бы я видеть хоть одного такого сочинителя, который бы полгода проработал у нас в Скотленд-Ярде! Такие дела попадают, что сон можно потерять...

«Обиженный сочинитель? – смутно помыслила Ксения. – Написал рассказ и послал его Бедфорду, а тот вежливо ответил, что автору лучше заняться чем-нибудь другим?»

– Ладно, – буркнул инспектор, сворачивая письмо и пряча его в карман. – Итак, вы решили поиграть в сыщика-любителя из романов и навести Хэйли. Что именно он вам сказал?

– Я не играла в сыщика, – холодно сказала Ксения. – И если вы будете разговаривать со мной в таком тоне, вам придется покинуть мой дом.

У Стивена Хантера возникло скверное впечатление, что его пытаются поставить на место, и будь это не та, кого он про себя определил как иноземную принцессу, а кто-нибудь другой, он бы сумел найти достойный ответ. Но так как рассерженная Ксения выглядела еще более очаровательно, чем Ксения невозмутимая, маленький инспектор решил с ответом не торопиться – и вообще не торопить события.

– Так или иначе, вы нашли Хэйли, – повторил он. – Каким он показался вам? Испуганным?

– Нет, вовсе нет. По-моему, он счел некролог скверной шуткой и забеспокоился, только когда я спросила, нет ли у него и Бойла общих врагов.

– Вы бы не могли подробнее описать мне ваш разговор, мисс? Все, что вы запомнили.

Ксения выполнила просьбу инспектора и пересказала свою беседу с Хэйли, стараясь не упускать ни единой детали. Хантер тем временем вдохновенно черкал в блокноте, менее чем когда-либо обращая внимание на знаки препинания.

– Скажите, – спросил инспектор, когда девушка закончила, – мистер Хэйли упоминал при вас имя Гарретта? Тимоти Гарретта?

– Нет. По правде говоря, он вообще не называл никаких имен... А кто это?

– Едва вы ушли, Хэйли поручил дворецкому навести справки об этом джентльмене, и как можно скорее. У меня сложилось впечатление, что этот Гарретт может иметь какое-то отношение к письмам. Так мистер Хэйли ничего о нем не говорил? Даже не намекал?

– Нет.

Стивен Хантер сложил блокнот, и, восприняв этот жест как сигнал к окончанию беседы, Ксения решила все-таки задать вопрос, который не давал ей покоя.

– Скажите, инспектор, какова точная причина смерти мистера Бойла?

– Насколько я понял, вы с мистером Бойлом были едва знакомы, – заметил Хантер, испытующе глядя на нее. – Почему он вас так интересуется?

– Потому что мистер Хэйли получил некролог и был убит. Логично тогда предположить, что мистера Бойла тоже убили и его смерть вовсе не была такой естественной, как кажется.

– Ну, насколько мне известно, в его смерти не было ничего неестественного, – протянул инспектор.

– Вот как? То есть он не был, к примеру, отравлен?

– Нет, мисс.

Ксения ощутила укол смертельного разочарования. Все складывалось совсем не так, как она предполагала.

...Может, Бедфорд был прав, когда отворачивался от реальной жизни и рассматривал любое событие лишь в контексте возможного сюжета? Бойл и Хэйли вместе были на войне, Хэйли получил угрожающее письмо – и был убит, Бойл получил такое же письмо – и умер своей смертью. Где, ну где тут логика?

Досадуя, Ксения поднялась с места и сверху вниз поглядела на маленького инспектора, который вовсе не спешил уходить.

– Если мне понадобятся ваши показания или, ну там, что-нибудь уточнить... – начал Хантер.

– Я живу здесь, – коротко ответила Ксения, – и не собираюсь никуда переезжать. Пойдемте, я провожу вас.

Глава 7

Субботнее чаепитие

– Разумеется, – важно промолвила миссис Ломакс, – я готова была сказать ей все, что думаю, о недопустимости появления полиции в моем доме. И знаешь, Эндрю, что удержало меня от этого?

– Понятия не имею, – проворчал старый прокурор. Он отпил глоток чая и бережно поставил на блюдечко чашку рокингемского фарфора – белую, покрытую глазурью, с нежным рисунком и с золотым ободком.

В гостиной Эндрю Найта фарфор всегда занимал почетное место – стараниями миссис Найт, которая была без ума от глазурованных чашек и тарелок. Но потом миссис Найт умерла, прокурор вышел в отставку, и теперь всякий раз, когда он смотрел на любимый сервиз жены, он не мог отделаться от неприятной мысли, что наследники, его племянники, совсем ничегошеньки не смыслят в фарфоре и не оценят его по достоинству. Будущих наследников, само собой, куда больше заинтересовала бы денежная часть наследства, но тут Эндрю Найт мог быть совершенно спокоен, потому что из-за биржевых треволнений потерял значительную часть своего состояния. Куда больше он беспокоился о фарфоре, потому что у того явно не было никаких шансов попасть в хорошие руки.

Одним словом, принимая гостей, прокурор теперь заботился о том, чтобы ставить на стол парадную посуду и вообще сервировать его как можно лучше. В глубине души он был даже не против того, чтобы гости разбили одну-две чашки, и, как следствие, постылым наследникам достался бы неполный сервиз. Но пока сервизу везло, и все предметы были в целости и сохранности.

– Я вспомнила твои слова, Эндрю, что подсудимому всегда следует дать возможность оправдаться, – объявила миссис Ломакс в ответ на замечание собеседника.

Прокурор важно кивнул. По правде говоря, его любимое изречение звучало несколько иначе: «Подсудимому всегда следует дать возможность оправдаться, чтобы он сам себя окончательно приговорил». Но Эндрю Найт решил проявить снисходительность и не стал напоминать вторую часть фразы.

– Оказалось, – продолжала миссис Ломакс, – что все совсем не так, как я думала. Просто у бедняжки слишком отзывчивое сердце.

– И поэтому ее пришел допрашивать полицейский? – хмыкнул Найт. Но миссис Ломакс, подобно большинству женщин, не замечала и не ценила сарказма.

– Она шла по Стрэнду, и при ней человеку стало плохо, – сказала миссис Ломакс. – Она усадила его на скамейку, позвала полисмена и попросила найти врача, но пока его искали, тот человек умер. Обо всем этом было в газетах, просто ее имя так переврали, что я его не узнала. Потом выяснилось, что тот человек перед смертью получил угрожающее письмо, и полиция стала проверять обстоятельства. По правде говоря, они могли бы прислать кого-нибудь получше к молодой леди. Их инспектор не произвел на меня должного впечатления.

Эндрю Найт много лет работал обвинителем и за свою карьеру выступал на многих шумевших процессах. Он носил почетное звание королевского юриста, и до своей отставки не чурался самых сложных, самых запутанных дел. От его выступлений порой зависели жизнь и смерть людей, и сейчас, слушая рассказ миссис Ломакс о какой-то ничем не примечательной девице и ее проблемах, он ощущал явное неудобство.

– Иви, Иви, – вздохнул Найт, качая головой, – все это прекрасно, но при чем тут я? Если твоей жилищке ничего не грозит – а ей, насколько я понял, никто не собирается предъявлять обвинение...

– Я вовсе не об этом, Эндрю.

– А о чем же?

– О том, что в наши дни любой может обидеть женщину, если за нее некому заступиться. Молодой леди плохо быть совсем одной в таком городе, как Лондон.

– Иви, ты уверена, что настолько хорошо ее знаешь?

– Дорогой Эндрю, не говори чепухи. Кто лучше разбирается в людях, чем квартирная хозяйка? Мисс Ксения не получает писем, подруг у нее нет, и ей редко кто звонит. Она даже в кино не ходит, – добавила миссис Ломакс, – что совсем уж странно для нынешних девушек. Но тут я всецело ее одобряю, потому что сюжеты современных фильмов – это...

Эндрю Найт открыл рот, чтобы сказать нечто весьма уместное в данном случае – и довольно-таки желчное, но тут он вспомнил кое-что и сдержался. Иви Ломакс была вдовой его двоюродного брата, и двое их детей, мальчик и девочка, умерли во младенчестве. Если миссис Ломакс, женщина практичная и в высшей степени здравомыслящая, принимала такое участие в незнакомой девушке, это могло значить только одно: девушка того стоила. Конечно, помыслил прокурор, ничего такого не случилось бы, останься дочь Иви в живых...

– Кто он? – спросил Эндрю Найт напрямик.

Миссис Ломакс открыла рот.

– Ну же, Иви, – подбодрил ее прокурор, – раз уж ты решила играть роль свахи, надо идти до конца. С кем ты собираешься ее познакомить?

Щеки Иви Ломакс слегка порозовели. С одной стороны, приятно, когда тебя понимают с полуслова, с другой – как-то немного обидно отказываться от полунамеков, намеков и тончайшей игры смыслами, когда подбираешься к сути обиняками и понемногу, осторожно наводишь собеседника на верный путь.

– Я думала о Деннисе Мюррее, – решила наконец миссис Ломакс.

Крак! Чашка рокингемского фарфора, выпав из рук Найта, ударилась о пол и разбилась вдребезги. Наследникам меньше достанется, прокурор тихо ликовал.

– Эндрю! – сдавленно вскрикнула миссис Ломакс.

– Извини, дорогая, – воскликнул старый джентльмен, – надеюсь, я тебя не напугал? Артрит, пальцы ни к черту...

Но миссис Ломакс не стала слушать его оправдания, а тотчас вызвала горничную и велела ей убрать разбившуюся чашку.

– Как жаль, – вздохнула она. – Это ведь был любимый сервиз Сесили, верно?

– Ты совершенно права, Иви.

– Так что ты думаешь о Деннисе? – спросила миссис Ломакс, когда осколки чашки были убраны, новая чашка подана взамен разбитой, чай налит и горничная скрылась за дверью.

Прокурор побагровел.

– Об этом прохвосте?

– Эндрю, он выдающийся адвокат. Ему еще нет сорока, а он уже королевский юрист. И он до сих пор не женат.

– Еще бы, – усмехнулся прокурор. – Если Мюррей и женится когда-нибудь, то только на больших деньгах. А твоя протеже, насколько я понимаю, нищая.

– Это не так. У нее есть богатая родственница, которая ей помогает. Конечно, девушка мне ничего не говорит, но я-то вижу, какие чулки она покупает – простой машинистке такие не по карману. На ярлыке костюма, который она отдавала в стирку, написано: «Мадлен Вионне»⁵, а одеваться у Вионне дорого стоит. Думаю, она повздорила с близкими и решила им доказать, что может сама заработать деньги. У современных девушек случаются такие порывы, которые нам порой трудно понять.

⁵ Мадлен Вионне (1876–1975) – французский дизайнер, создательница косого кроя.

– И ты думаешь, что все это произведет впечатление на такого, как Деннис Мюррей? Брось, Иви, ничего у тебя не выйдет.

– Я знаю, Эндрю, что ты его не слишком жалуешь, но мы можем хотя бы попробовать? – спросила миссис Ломакс, умоляюще глядя на своего собеседника.

Как уже упоминалось, мистер Найт некогда был женат, а значит, прекрасно понимал, что бесполезно спорить с женщиной, если она вбила себе в голову что-нибудь. Поэтому он предпочел промолчать и лишь осторожно опустил в чай крошечный кусочек сахара.

– Я полагаю, для начала достаточно их познакомить, а там будет видно, – добавила старая дама. – Моя знакомая вовсе не глупа, и я уверена, что она постарается не упустить такую возможность.

– Если она не глупа, – не удержался прокурор, – то постарается сбежать от Мюррея, и как можно дальше.

– Эндрю! Я прекрасно понимаю, почему ты так сердит на него...

– В самом деле?

– Конечно, ведь он добился оправдания людей, которых ты хотел послать на виселицу. Но нельзя же, в самом деле, столько времени злиться на него за это.

– Я вовсе не злюсь, – кротко ответил Найт, хотя внутри его все кипело.

– Нет, ты злишься!

– Иви, называть прохвоста и выскочку прохвостом и выскочкой не значит злиться.

– Ну вот, Эндрю, ты опять за свое. Конечно, Деннис не бог весть какого происхождения, но времена изменились. Теперь на это обращают куда меньше внимания, чем раньше.

И тут Найт понял, что если он не выложит прямо сейчас, сию же секунду то, что накопилось у него на душе, то произойдет что-то страшное. Стараясь казаться спокойным и оттого волнуясь еще больше, он проговорил:

– При чем тут происхождение, Иви? Речь вовсе не об этом. Я согласен, что Мюррей умеет производить впечатление. Он блестящий оратор, он может загнать в угол любого свидетеля и сделать его смешным. Он в совершенстве владеет всеми секретами нашей профессии, но закон для него – не повод для уважения, а то, что можно трактовать как угодно, лишь бы добиться своего. То он вопреки здравому смыслу вырывает оправдательный приговор для ламбетского убийцы и его жены, то защищает какого-нибудь торговца наркотиками. В мое время адвокаты берегли свою репутацию и не ввязывались в сомнительные процессы, но сейчас честь, этика и незапятнанное имя благодаря таким, как Мюррей, стали пустыми словами. А так как газеты следят за каждым его выступлением и раздувают его успехи, у людей складывается ложное мнение, что можно творить что угодно – достаточно нанять беспринципного адвоката вроде Мюррея, чтобы выйти сухим из воды. Именно поэтому, а не по какой-либо иной причине я считал, считаю и буду и впредь считать его прохвостом. Да!

Он взмахнул рукой, подкрепляя слова энергичным жестом, но не рассчитал силу движения, и вторая чашка из любимого сервиза покойной жены рухнула на пол вместе с блюдцем, разбившись на множество мелких осколков.

– Полагаю, Эндрю, нам лучше прекратить разговор, пока ты не переколотил весь сервиз, – сказала миссис Ломакс с достоинством. – Через несколько дней у леди Хендерсон состоится благотворительный вечер, а ее дядя – твой бывший однокурсник по Оксфорду. Деннис Мюррей также числится среди устроителей этого мероприятия, так что он будет непременно. И я буду чрезвычайно тебе признательна, если ты достанешь приглашения для нас с мисс Ксенией.

Глава 8

Инспектор Хантер действует

Стивен Хантер был человеком методичным. Возможно, не в последнюю очередь из-за этого он считался у своего начальства одним из лучших инспекторов среди молодежи, под которой подразумевались все служащие Скотленд-Ярда моложе шестидесяти лет. Переговорив с Ксенией, он без промедления приступил к следующему пункту своей программы, а именно – отправился покупать новый галстук.

Кроме того, инспектора вдруг осенило, что носить старую шляпу со светлым и вполне приличным макинтошем не вполне корректно. Однако если замена галстука прошла безболезненно, со шляпой дело обстояло не так просто. Именно в этой шляпе ее владелец арестовывал знаменитого грабителя по кличке Громила Чарли и тем самым заслужил чин инспектора. Одним словом, это была счастливая шляпа, и ее замена могла серьезно аукнуться хозяину.

«Не беда, – решил находчивый Стивен. – В крайнем случае, можно будет как-нибудь ее подновить».

Когда он вернулся в Скотленд-Ярд, коллега, с которым маленький инспектор столкнулся в коридоре, сообщил, что Хантера искал доктор Вутон.

– Это по поводу вскрытия Бойла... Он просил немедленно ему перезвонить.

Стивен хмыкнул, прошел в свой кабинет, снял трубку и набрал номер морга. Всякий раз, как он звонил туда, ему представлялось, что однажды ему ответят: «Морг, говорит труп номер сто тридцать шесть, слушаю вас! Алло, ну говорите, что же вы?»

Однако сегодня все оказалось как обычно, и вообще Стивену повезло, потому что доктор был все еще в морге.

– Вы должны это знать, – сказал Вутон. – Ваш клиент скончался от отравления.

– Чего-чегоо? – опешил Стивен, от волнения переходя на просторечие.

– Его укололи отравленным предметом, не исключено, что зонтиком или чем-то вроде этого. Судя по расположению и характеру ранки, я почти уверен, что это был зонтик. Что касается состава яда...

В полном ошеломлении Стивен выслушал доктора, плохо понимая, на каком он свете. В конце инспектор попросил прислать ему официальное заключение, повесил трубку и стиснул руками виски.

Значит, иноземная принцесса знала, что Роберт Бойл был отравлен, – знала еще до того, как доктор Вутон, делавший вскрытие по просьбе инспектора Хантера, завершил его. Выходит, что она каким-то образом замешана в этой истории?

Стивен ругнулся себе под нос, скосил глаза на яркий галстук, который купил час назад, и, чувствуя себя обманутым, растоптанным и совершенно несчастным, содрал его с шеи.

Нет, сказал себе инспектор, не будем делать поспешных выводов. Ну-ка, пройдемся по делу еще раз...

Пункт первый: Роберт Бойл получает некролог, обещающий ему смерть девятого числа. Девятого числа на улице некто втыкает в него отравленный зонтик. Возле Бойла оказывается принцесса, которая...

– Сайкс! – заорал инспектор.

За дверью завопили, послышались торопливые шаги, и перед инспектором предстал Джонни Сайкс. Должность, которую он занимал в Скотленд-Ярде, не имела ни малейшего значения, потому что по сути своей этот молодой человек был рабом Стивена. Будем откровенны: Джонни Сайкс появился на свет исключительно для того, чтобы выполнять самые разнообразные поручения Хантера, испытывать на себе последствия его вспышек гнева, выслушивать

версии инспектора о происшедшем и по вечерам жаловаться приятелям в пабе, как его измучила работа в полиции и как его тиранит несносный коротышка. Если бы в это мгновение перед Джонни Сайксом явился ангел – или представитель службы занятости – и предложил ему непыльную, хорошо оплачиваемую и абсолютно безопасную работу в любом другом месте, Сайкс бы покраснел, посинел, позеленел, пожелтел и в конце концов, скрипнув зубами, героически от нее отказался бы. В Скотленд-Ярде, под руководством несносного Хантера, он ощущал, что нужен, что его помощь приносит реальную пользу и что без него – если уж говорить начистоту – инспектор будет как без рук.

– Сайкс, – отрывисто бросил Стивен, – мне позарез нужно знать, был ли у нее в руках зонтик.

– У кого?

– У леди, которая позвала на помощь, когда Бойлу стало плохо. Найди полисмена или врача, которые там были, а еще лучше – обоих, и расспроси их.

Сайкс озадаченно моргнул. Он был высокий, тощий, слегка косил на один глаз и расчесывал рыжеватые волосы на идеальный боковой пробор. Просьба Хантера казалась Сайксу совершенно бессмысленной, но юноша достаточно хорошо изучил своего шефа и знал, что тот ничего не делает просто так.

– А какие подробности насчет зонтика вас интересуют? Цвет, размер, или...

– Мне нужно знать, был у нее зонтик или нет! – рявкнул Стивен. – Вот и все!

– Тогда почему не спросить об этом у нее самой?

– Я тебе спрошу! – проскрежетал инспектор. – Брысь!

Сайкс послушно сгинул, а Стивен достал блокнот, просмотрел свои каракули, кое-что подчеркнул, кое-где добавил знак вопроса и погрузился в мрачные раздумья.

...Нет, она, конечно, не имеет к убийствам отношения. Хотя бы потому, что скрыться в толпе на Стрэнде – пара пустяков, а вместо этого Ксения, наоборот, привлекла к себе внимание, позвав полисмена и попросив вызвать врача.

Так-то оно так, но факт остается фактом: она находилась рядом с первой жертвой, и она же навестила вторую жертву до того, как Генри Хэйли отправился на небеса. Нет, принцессу из виду упускать никак нельзя...

Морщась, Стивен сдернул с рычагов трубку и позвонил в архивный отдел.

– Я хочу знать, есть ли у нас что-нибудь на Тимоти Гарретта... Два «р», два «т». – Он подумал и добавил: – А также на Роберта Бойла и Генри Хэйли... Да, еще меня интересует одна девушка... Хорошо, я подожду.

...Когда Джонни Сайкс вернулся, ему хватило одного взгляда на лицо босса, чтобы мысленно поставить диагноз: «Расследование не клеится». Стивен с мрачным видом листал блокнот, куда в последние часы добавилось несколько новых записей.

– У нее не было зонтика, – выпалил Джонни. Инспектор поднял глаза.

– Точно?

– Точно. Оба свидетеля вполне категоричны.

Стивен Хантер шмыгнул носом.

– Роберт Бойл был отравлен, – снизошел он до объяснения. – Его ткнули ядовитым зонтиком.

– Ничего себе! – только и мог вымолвить пораженный юноша. – Совсем как в каком-нибудь романе Вернона Сомерсета...

– А Генри Хэйли замочил снайпер, когда он находился у себя в гостиной, – буркнул инспектор. – В мирное время, Сайкс, в мирное время! Газетчики с ума сойдут от счастья.

– Уже сошли, – деловито отозвался Сайкс. – Репортеры кружат вокруг управления, как грифы, а редакторы оборвали начальству телефоны. Завтра ваше фото будет во всех газетах.

– Ну да, а послезавтра нас с тобой выкинут, если не будет результата, – вернул его на землю инспектор. – Теперь вот что: я навел справки в военном министерстве. Оттуда сообщили, что Бойл и Хэйли служили в армии вместе с неким Тимоти Гарреттом. Его же Хэйли упоминал незадолго до смерти. Я поднял на ноги всех, чтобы отыскать Гарретта. В прошлом у него нет ничего криминального... черт знает, как это понимать. То ли он действительно чист, то ли до времени ухитрялся не проявляться. Где он сейчас живет, неизвестно. С женой он развелся, сама она живет с новым ухажером и давно не имела вестей о муже. По крайней мере, так она сама сказала мне по телефону. Наши отыскивали адрес его матери, она живет в Уотфорде⁶. Сейчас мы с тобой прокатимся туда и поговорим с ней.

– Мы можем подключить местную полицию... – заикнулся было Сайкс, но увидел выражение лица босса и почел за благо умолкнуть.

– Меня всегда учили: хочешь сделать что-то хорошо, сделай это сам, – назидательно объявил Хантер, надевая макинтош. – Мне не нужен телефонный рапорт местных дурней, что миссис Гарретт разводит цветочки, исправно платит налоги, держит трех кошек и ничего не знает о том, что нас интересует. Ее сын у нас на подозрении, и мне нужно знать, где и как его найти, пока он не натворил новых дел.

– Думаете, это он убил тех двоих? – с интересом спросил Джонни. – Но за что? Война-то давно кончилась...

– Он прислал обеим жертвам некрологи, – сварливо отозвался инспектор, поправляя шляпу. – Типа как приговор... или повестку... И везде он упоминает о войне. Что-то там произошло такое, что крепко его зацепило, но что?

⁶ Город неподалеку от Лондона.

Глава 9

След

– Дорогая мисс, на вашем месте я бы совершенно не волновался, – сказал Бедфорд Ксении. – Нет сомнений, полиция находится на верном пути. Впрочем, если верить газетным статьям, полиция всегда находится на верном пути. К их услугам вся мощь сысского аппарата... кажется, я стал говорить совсем уж газетными штампами, *n'est-ce pas*⁷? Одним словом, я бы посоветовал вам забыть о неприятном происшествии на Стрэнде, некрологах и прочем. Верьте мне, что не пройдет и двух дней, как вы в деталях прочтаете в прессе всю подноготную случившегося, и она вас разочарует. Там будут какие-нибудь старые счета, денежный обман или еще что-то, столь же прозаическое. Никакого яда кураре, само собой, и никакой романтики. Это сейчас, когда вы еще не знаете всего, вам кажется, что там может быть что-нибудь значительное. И вы настолько поглощены мыслями об этом деле, что даже забыли дома зонтик и попали под дождь. Так недолго и простудиться, в самом деле!

Ксения чихнула.

– Я люблю дождь, – призналась она. – Если смотреть на небо из-под зонтика и если смотреть, когда зонтика нет – знаете, тогда кажется, что перед вами два разных неба. Я имею в виду...

Бедфорд вздохнул. Как неплохой писатель, он оценил оригинальность мысли, но как истинный англичанин, не мог не знать, что дождь бывает вреден для здоровья, а простуда в британском климате может запросто привести к воспалению легких и ранней смерти. Поэтому он вызвал Джеймса и велел ему разжечь камин поярче, а еще – принести для леди чай погорячее.

– Благодарю вас, – промолвила Ксения, – это очень любезно с вашей стороны. Но, знаете, я никак не могу перестать думать об этом Тимоти Гарретте. Ни в одном из справочников его имени нет. Может быть и так, что он живет не в Лондоне. А между тем...

– А между тем вам очень хотелось бы отыскать его до полиции, – мягко поддразнил ее Бедфорд. – Зачем, скажите на милость?

Ксения задумалась.

– Не знаю, – наконец сказала она. – Видите ли, сэр, у меня в руках словно оказалась первая часть какого-то увлекательного романа. Но это только начало, и я не узнаю продолжения, если не найду Гарретта. Вы понимаете меня?

– Не понимаю, – спокойно парировал Бедфорд. Он сидел в кресле, положив ногу на ногу, и покачивал носком начищенного ботинка, на котором играли блики огня от камина. – Посудите сами: если Тимоти Гарретт честный малый и ни в чем не замешан, тогда ваше общение с ним попросту бесполезно. А если он автор некрологов и, простите, убийца, который застрелил мистера Хэйли, тогда вам несдобровать... Что вам, Джеймс?

Дворецкий уже некоторое время маячил в дверях, не решаясь уйти.

– Прошу прощения, сэр, но я слышал часть вашего разговора, когда разжигал огонь... Я правильно понимаю, что вы ищете Тимоти Гарретта?

– Лично я никого не ищу, – иронически отозвался Бедфорд, любуясь на свои ботинки, – но юная леди полагает, что он может прояснить кое-какие обстоятельства, которые ее чрезвычайно интересуют.

– Вы его знаете, Джеймс? – встрепелась Ксения. – Вы с ним встречались?

⁷ Не так ли? (*фр.*)

Дворецкий смущенно откашлялся. Это был плотный, седовласый, представительный мужчина, который служил у своего хозяина много лет. Он ходил практически бесшумно, нередко появлялся в комнате еще до того, как хозяин собирался звонить в колокольчик, и вообще был совершенно незаменим. Когда Бедфорд был вынужден перебраться из особняка в Челси на Риджент-стрит, он не рассчитал только двух слуг: дворецкого и кухарку, которые состарились в его доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.